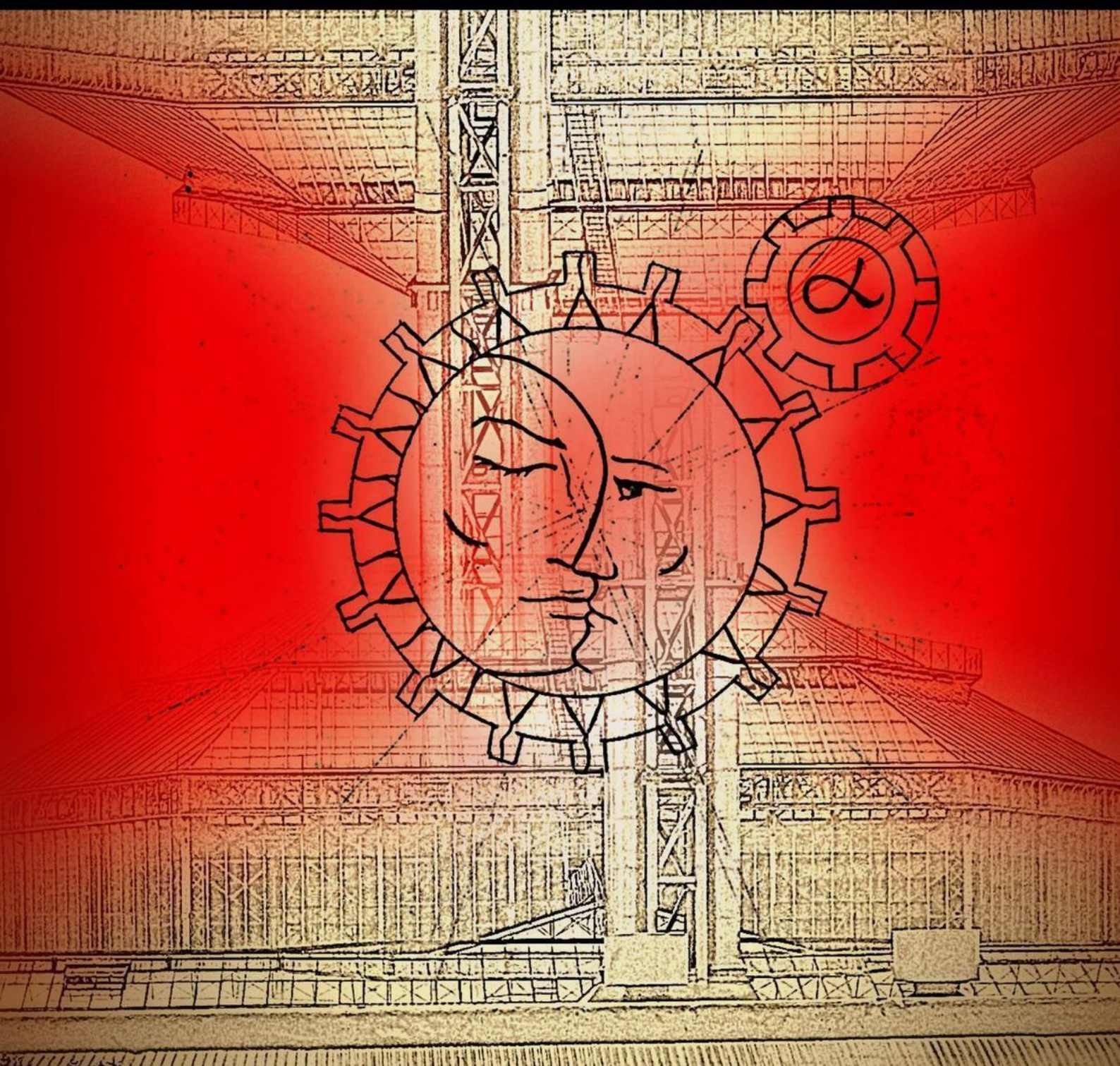

ЛЮБОВЬ {LEO} ПАРШИНА

Хроники Нового Вавилона

Любовь Паршина

Хроники Нового Вавилона

«Издательские решения»

Паршина Л. {.

Хроники Нового Вавилона / Л. { . Паршина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858376-6

Новый Вавилон — колосс из металла, выросший на пепелище погибшего мира. Империалистическая война практически уничтожила жизнь на Земле, а в искусственно созданном оазисе продолжает благоденствовать горстка богачей и знати. Их существование зиждется на огромной массе простого народа: рабочих и слуг, без которых жизнь господ невозможна. Кажется, время застыло в этой циклопической оранжерее. Но время не останавливается. Его не обмануть. Оно, подобно реке, вернется в русло. И падет Вавилон...

ISBN 978-5-44-858376-6

© Паршина Л. { .
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Блудница и Серапис	6
1. Аудиенция	8
2. В Опере	11
3. Серьезный разговор в будуаре	15
4. Окно	17
5. Визит Вальтера Корфа	19
6. Передышка	20
7. Призраки	22
8. Дым	24
9. Чаепитие	27
10. Осколки	30
11. Хранитель голосов	32
12. Тик-так, тик-так...	34
13. В храме Сераписа	36
14. Пробуждение	38
15. Кто вы, господин Корф?	41
16. Рассказ Вальтера Корфа	44
17. Ужин	47
18. Яблоко	49
19. Храм науки	51
20. Рассвет	54
Книга 2. Зверь об одной голове	56
1. В гостях у старушки	57
2. На берегу	59
3. Старые планы	61
4. Край	64
5. Кружево и кровь	66
6. Новое дело Антуана Грево	68
7. Ночной дом	71
8. Наброски	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Хроники Нового Вавилона

Любовь {Leo} Паршина

*Великой Октябрьской социалистической революции и тем
временам, когда гостиные мечтали топить радиом, а на Луну летать
из гигантской пушки, посвящается...*

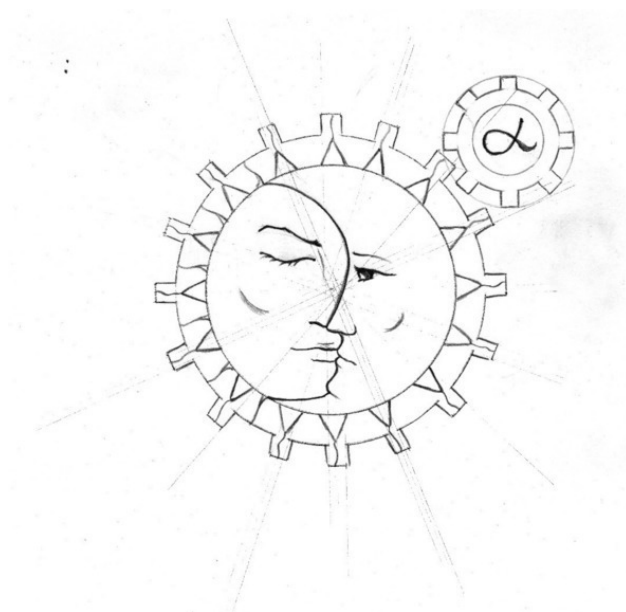
*«Быть святым – исключение, быть справедливым – правило.
Заблуждайтесь, падайте, грешите, но будьте справедливы».*

Виктор Гюго
«Отверженные»

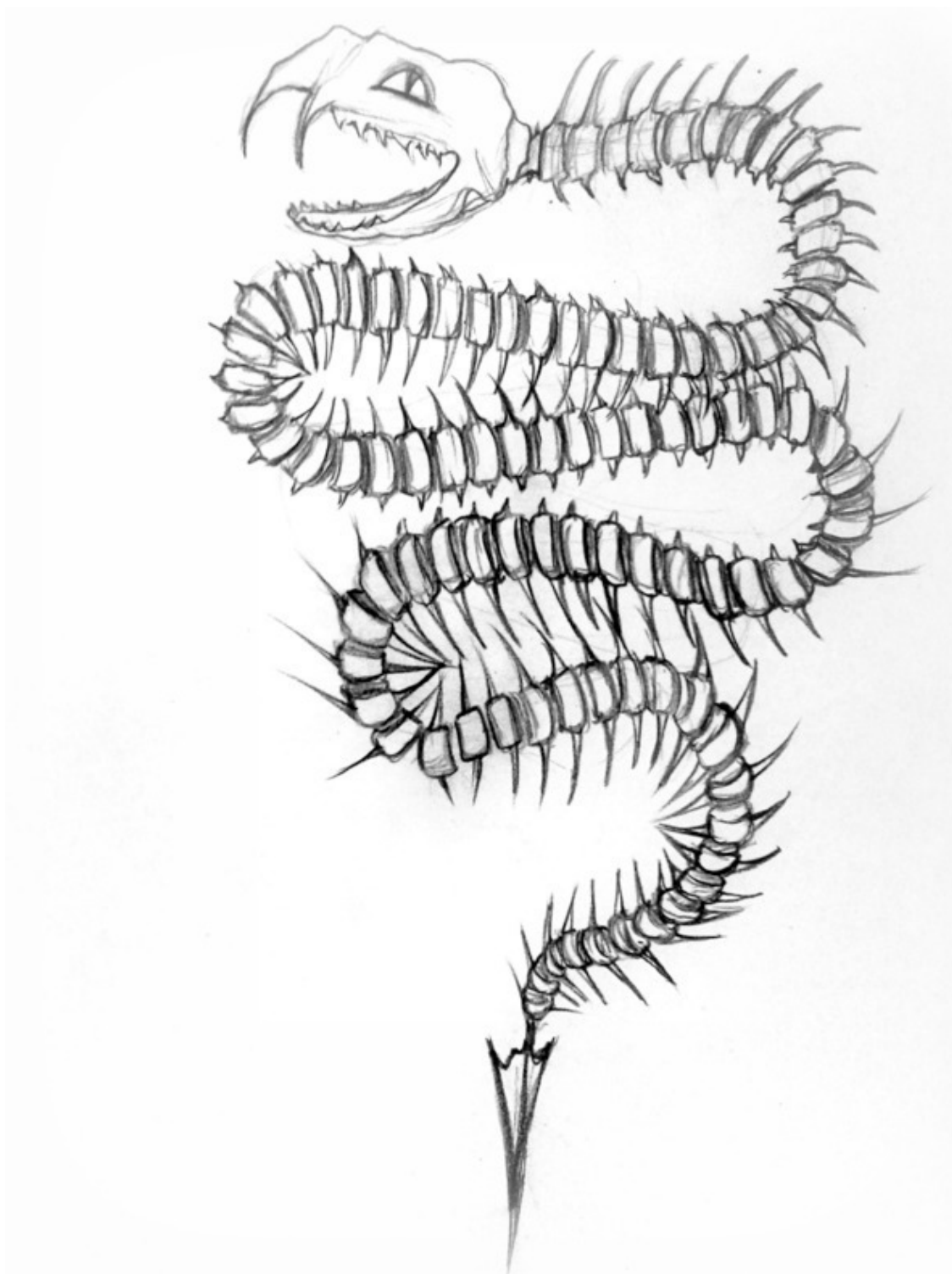
© Любовь {Leo} Паршина, 2019

ISBN 978-5-4485-8376-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Блудница и Серапис

К великому моему сожалению, мой Вавилон не вечен. Как бы ни заботились о нем люди, как бы ни смазывали, ни заменяли все его детали одну за другой, подобно любому механизму, он изнашивается, остановится и затихнет. Как ни горько мне это осознавать...

<Шум, пауза>

Однажды столпы, опоры рухнут, и падет Вавилон. И падение Нового затмит падение древнего.

Люди уйдут обратно, на оставленную ими землю, ибо нет у них другого пути и другого дома.

*Из откровения Эдварда МакКлелана, создателя Нового Вавилона
(Записано фонографически. Валик 1; дорожка 2)*

1. Аудиенция

Очаровательный и смущенный молодой лакей открыл дверь лифта и отступил чуть в сторону, пропуская Хэзер в коридор. Она ступила на красный ковер, поглотивший звук ее шагов, и тут же оказалась под надзором здоровенного и хмурого как голем охранника.

– Следуйте за мной, мисс, – проскрежетал он, развернулся и затопал по коридору.

Хэзер пошла за ним, внутренне усмехаясь – она и сама прекрасно знала дорогу.

У последней двери коридора охранник замер, и Хэзер вошла в шикарный, обшитый светлым деревом кабинет.

Хэзер Эйл, самая изысканная и обворожительная куртизанка Нового Вавилона, и, как утверждала светская хроника, один из самых блестящих его умов, явилась на официальную аудиенцию к претору Кристоферу МакКлелану. Она волновалась, но не от того, что ей предстояло встретить самое высокопоставленное лицо города. Нет, она уже давно и довольно близко была знакома с претором. Ее заставляла волноваться сама суть того дела, что свело их вместе теперь.

Претор отошел от письменного стола лишь на минуту – поправить галстук – и тут же увидел в зеркале, как открылись двери кабинета. Хэзер вошла и присела в реверансе, как прилежная школьница перед классной дамой.

МакКлелан, в свою очередь, повернулся к ней и с подчеркнуто невозмутимым лицом, но по-мальчишески горящими глазами, учтиво кивнул.

Двери вновь закрылись.

– Претор, какая честь...

– Весьма рад, что вы смогли найти время.

– Для вас – всегда.

– Прошу, садитесь, мисс Эйл.

– Благодарю, претор.

– Мисс, вы просто расцвели с момента нашей последней встречи.

– Что поделать! Цветы теперь в моде. Они положительно везде – в украшениях, в одежде...

Хэзер одним движением расправила отороченный кружевом веер с россыпью лилий на темном поле.

– Так вас тревожит страсть вашего народа к флористике, претор?

– Нет, – холодно проронил МакКлелан. Теперь он сделался совершенно серьезным, даже огоньки в глазах превратились в стальные отблески. – Что ты знаешь о ложе Сераписа?

– Только то, что к древнему Серапису она имеет мало отношения. И еще полгода назад пропала Силк Смит. Поговаривают, она попала к ним.

– Это твоя... коллега?

– Хорошая знакомая, – настойчиво уточнила Хэзер.

– Да-да! Каким же образом она к ним попала?

– Разные ходят слухи. То ли ее принесли в жертву, то ли на нее снизошло озарение, и теперь ей в Ложе чуть ли не поклоняются. Хотя, второе маловероятно. Всем известно, что жрецы нынешнего Сераписа женщин к себе на милую не подпускают.

– Что ж, придется провести точные замеры расстояния...

– Простите?

– Как ты относишься к Вальтеру Корфу?

Хэзер пару раз резко и нервно взмахнула веером.

– Верховный жрец. По-моему, он просто чудовище.

– Ты *очень* его боишься?

– Боюсь.

– А ты смогла бы преодолеть свой страх ради благополучия Нового Вавилона?

– О чем вы?

– Прости, но, похоже, тебе придется составить с ним близкое знакомство.

Хэзер не поверила своим ушам. Первым ее порывом было подняться и немедленно уйти (она даже непроизвольно выпрямилась в кресле), но затем вспомнила, что сейчас не просто в кабинете претора – она на официальной аудиенции.

– Мистер МакКлелан, какая честь, что *вы* озаботились выбором клиентов для меня.

Претор побледнел.

– Советую, мисс Эйл, не делать поспешных выводов. Я бы никогда не обратился к вам с подобной просьбой – не приказом, подчеркиваю, с просьбой! – если бы был уверен, что можно действовать как-то иначе. Ни наша тайная полиция, ни обычные женщины не могут подобраться к Корфу достаточно близко. Если это кому-то и под силу... то только тебе, Хэзер. К тому же, я настоятельно не рекомендую вступать с ним в *особо* близкие отношения. Все на твое усмотрение, разумеется...

– Ах, претор, не учите скромную прачку полоскать панталоны. Только скажите, почему вам именно сейчас так понадобилось подбираться к Вальтеру Корфу? Долгие годы Ложа Сераписа существовала под боком у правительства и никого не тревожила.

– В последний год Ложа насторожила нас своей активностью. Многие ее члены уже занимают очень высокие посты в правительстве города. Разумеется, это не может не тревожить. К тому же, среди молодежи Ложа Сераписа обретает пугающую популярность...

МакКлелан прервался, его взгляд невольно скользнул по трем небольшим фотокарточкам в серебряных рамках, стоящим на столе: покойная мать претора, сам Кристофер в юности вместе с отцом, и он – со своим сыном Джейсоном. Лица мужчин будто срисованы друг с друга: поколения...

Хэзер осенило.

– Джейсон, верно? Попал под влияние жрецов Сераписа? И давно?..

– Два месяца, как он познакомился с Вальтером Корфом. И уже месяц, как моего мальчика не узнать. Он и раньше был замкнутым, а я... плохой вышел из меня отец. Теперь он в Ложе – это я знаю наверняка.

– Он уже надел золотую змею? – спросила Хэзер. Она помнила эту единственную крохотную метку всех членов Ложи – золотой, искусно и тонко сделанный змеиный скелетик, причудливо извернувшийся на лацкане фрака или пиджака.

– Надел, – процедил претор. – Очень прошу, Хэзер. Я ведь знаю тебя, знаю, на что ты способна. Помоги разорить это змеиное гнездо!

– А если я не смогу? Это ведь Вальтер Корф!

– Тогда мне не останется ничего другого, кроме как применить силу. Без объяснения причин я буду снимать их с постов, заключать под арест. Будет мобилизована вся полиция. Начнутся волнения. А здесь, в Вавилоне, мы все равно что на корабле...

– Я поняла, претор. Благодарю, что объяснили.

– Прошу, Хэзер!..

– Я уже дала согласие... Скажите, где и как я могу незначай повстречаться с Вальтером Корфом?

– Сегодня вечером, в Гранд Опера.

Хэзер кивнула и, сохраняя маску ледяного спокойствия, встала из-за стола.

– Я поняла суть ваших пожеланий, претор. Могу ли я быть свободна?

– Разумеется, Хэзер, – проговорил МакКлелан. Он будто бы хотел добавить еще что-то, но она уже учтиво поклонилась и направилась к дверям кабинета.

Ей хотелось поскорее попасть домой, чтобы дать волю эмоциям, но, как назло, именно в этот вечер рабочим одного из заводов вздумалось бунтовать. Такое случалось и раньше, но в этот раз форма протеста оказалась вопиющей: недовольные своим хозяином рабочие среди бела дня вылезали прямо из-под мостовой на бульварах. Движение остановили, бунтовщиков отлавливала полиция.

Надеясь отвлечься, Хэзер взяла из корзины на дверце механического экипажа плотно свернутый журнал. Простая пестрая реклама. Репертуар театров и синемаатографа, новинки моды. Например, кутюрье Эжен Десюр, вдохновившись старыми европейскими сказками, создал восхитительную коллекцию вечерних платьев, достойных любой из принцесс.

А Музей естественной истории обещал обновление коллекции столь же отвратительное, сколь удивительное и редкое.

«В гигантской колбе с формалином на всеобщее обозрение выставлен труп несчастного человеческого существа, пойманного рабочими сталелитейного завода Дейлов.

Оно родилось и выросло на Земле и пришло к столпам Вавилона, очевидно, в поисках пропитания. Рабочие приманили его, отвели к управляющему, а тот передал Академии наук. Несколько месяцев ученые исследовали его и сделали ряд операций, пытаясь превратить в полноценного человека.

В какой-то момент исследований у ученых появилась слабая надежда, что необычный пациент выздоровеет и даже сможет предстать перед широкой публикой. Однако, спустя полгода после начала лечения, несчастный скончался.

Теперь его тело вместе с коллекцией фотоснимков, сделанных учеными в ходе исследований, представлено во флигеле Музея естественной истории. Данные экспонаты стали дополнением уже существующей экспозиции таких же заспиртованных препаратов, снимков и восковых фигур, зримо представляющих публике, что творили с человеческой плотью яды и газы – джинны, выпущенные на волю Мировой войной Империй.

Внимание! Руководство музея предупреждает, что выставка может произвести тяжкое впечатление на детей и дам».

Хэзер отложила журнал. Ей вдруг сделалось холодно, хотя климат в Новом Вавилоне в этот день, как и во все прочие, был прекрасным.

Сидя в механическом экипаже, Хэзер старалась представить себя Снежной королевой. Только ее почему-то назначили Гердой и отправили спасать глупого мальчишку. Какого черта? Она должна разбивать юные сердца, а вовсе не спасать избалованных детей! Тем более, что Джейсон никак не годился на роль Кая – это был снежный принц, довольно надменный и, как ей казалось, лицемерный. Несмотря на внешнее сходство, сын вовсе не походил на отца.

Дома, в своей квартире, она чуть не наступила на котенка, ничего не ответила горничной Агнесс, когда та спросила, как дела у госпожи, открыла и резко захлопнула крышку музыкальной шкатулки на столе.

Затем она села в углу гостиной, за ширмой, за кадками с раскидистыми пальмами. Она смотрела в одну точку, лишь иногда поднося к лицу носовой платок и будто бы невзначай прерывисто и нервно вздыхая.

Агнесс только качала головой. Что она могла поделать? Ее молодая госпожа часто возвращалась в таком смятении после встреч с претором...

2. В Опере

Удивительно, как Новый Вавилон объединил вместе людей, целые народы!

«Это подлинное и долгожданное объединение! Новая заря человечества!» – кричали одни.

«Альфа-Вавилон – лишь шлюпка для жирных крыс, сбежавших с гибнущего судна!» – возражали немногие, благоразумно не называвшие своих имен. Правда, при этом они не поясняли, как им самим живется среди крыс.

Истерзанная Мировой войной Империй, Земля действительно напоминала тонущий корабль, без мачт, с пробоинами, с прогнившим трюмом.

Российская Империя в какой-то момент, правда, чуть не вышла из войны. Она сильно сдала позиции во время подавления революционных волнений на своей территории. В этот скорбный час Британия оказала неоценимую помощь России, оставив ее в неоплатном долгу.

Это замешательство стран Антанты дало Германии столь необходимую ей передышку. И, едва был задушен русский бунт, война стала набирать новые обороты.

Все безобразнее становились плоды прогресса: одного за другим порождал он монстров – металлических и эфирных, сверхбыстрых, сверхсильных и безжалостных, – предназначенных калечить, убивать, травить все живое.

Тогда, в начале тридцатых годов, многие задумывались над тем, куда бежать. Самые романтично настроенные предлагали чуть ли не лететь на Луну или хотя бы создать летающие города. Но большинство планов было невозможно, неосуществимо и попросту невыгодно.

И у человечества появился спаситель...

Лишь один молодой инженер сумел обратить свои знания и достижения прогресса на создание того, что могло спасти хоть частичку жизни на планете. Его звали Эдвард Мак-Клелан.

Однажды, будучи с благотворительной и исследовательской миссией в Камбодже, он увидел деревню, стоящую на сваях. Когда-то под домами лежали воды чистого, прозрачного озера, теперь ставшего глухим, ядовитым болотом. Гниющая рыба застыла в тине кверху брюхом, над нею вились мухи.

Хоть как-то дышать и жить можно было только на возвышении, в самих домах.

Многие промышленники в Америке, в Европе и России уже перебрались в новые жилища, построенные над собственными заводами – крохотные, но вычурные домики на сваях. Рабочие со своими семьями также жили на заводах, оснащенных доведенной позже до совершенства системой очистки воздуха, включающей вентиляторы, увлажнители и уловители тяжелых частиц. Такие системы, подобные техногенным «португальским корабликам» и стали прообразом города будущего.

Главными столпами Альфа-Вавилона стали прежде всего естественные выступы земной коры – Альпы и столпы—заводы, тянущиеся от недр земли к небесам, а также множество искусственных, колоссальных – вавилонских! – башен. За Урал, на холодный Восток протянулся Транссибирский тоннель, соединяющий главный полис с Промышленным отрогом, средоточием добычи полезных ископаемых и сырья для большинства заводов метрополии.

Создание Альфа-Вавилона заняло более половины столетия и велось одновременно в нескольких европейских государствах.

Основа, готовая для жилой застройки, была закончена в 1973 году. Все силы власть имущих были брошены на эту стройку: кто-то из них думал о новом шансе для человечества, кто-то мечтал наконец-то вырваться из того ада, которым стала Земля. Огромное количество рабо-

чих для стройки и уже затем – для цехов будущего города – предоставила богатая человеческими ресурсами Российская империя.

Верхний город, возвышающийся над столпами, напоминал и Париж, и Санкт-Петербург, и Вену, и даже Венецию, в которой вместо воды – воздух, а вместо гондол – фуникулеры и механические экипажи, движущиеся по тросам и рельсам.

Элита всех стран за пару десятилетий переселилась на Вавилон, за ними потянулись прислуга, рабочие и им подобный люд, призванный обеспечивать существование других. Никто уже не думал и не беспокоился об оставленных странах, о людях, не нашедших себе места на Вавилоне.

Великий полис напоминал великолепный лайнер, корабль, отчаливший от бесплодного, истощенного берега и не знающий когда и куда он причалит в конце концов...

А пока новые вавилоняне продолжали наслаждаться плаванием. Посещали грандиозный синематограф «Иллюзион», скачки, а также новую Гранд Опера, превосходящую творение Гарнье размерами и роскошью.

Этот великолепный, блистающий огнями театр находился практически в самом сердце Альфа-Вавилона. Каждый вечер он наполнялся самой изысканной публикой: аристократы, буржуа, нувориши, политики и, разумеется, дамы полусвета.

Хэзер была частой гостьей Оперы, за ней постоянно была забронирована одна из лож партера, которую она, бывало, одалживала близким подругам.

В этот вечер Хэзер была особенно насторожена, на все приветствия отвечала коротко и сдержанно, но все же любезно. Заняв свою ложу, она будто бы непринужденно оглядывала зал, то и дело посматривая на ложу первого яруса с противоположной стороны – пока еще пустую ложу Вальтера Корфа.

– Добрый вечер, мадемуазель, – приятный мужской голос отвлек ее от раздумий. У ограды ее ложи, вольно на нее облокотившись, остановился Николай Константинович Дурново.

Хэзер улыбнулась ему – этот молодой дворянин всегда ей нравился, нравились его веселый нрав, простое обхождение и ямочки на щеках.

– Давно вас не было видно.

– Дела, сударыня, дела, – вздохнул молодой человек.

– Опять что-то изобретаете с лордом Джереми Блейком?

Николай развел руками.

– Не могу удержаться.

– И над чем же работаете теперь?

– Над вездеходом.

– Зачем вам такой механизм в Вавилоне? Конечно, механические экипажи несовершенны, но все же...

– Нет-нет! Мы хотим спуститься на Землю, прогуляться по Европе...

Тут в своей ложе появился Вальтер Корф. Взгляд Хэзер сразу же метнулся вверх.

Ей вдруг показалось, что она никогда прежде не видела этого человека. И каким же жутким показался он ей теперь! Он вовсе не был уродлив, но и обычной его внешность нельзя было назвать. Не аристократическая и не плебейская, она сочетала в себе и тонкие, удивительно красивые черты, и грубые, почти звериные. Темно карие, почти черные глаза с длинными ресницами, густые брови, нос, идущий прямой линией от самого лба, чувственные губы, волосы черные, как вороново крыло – это лицо мгновенно выделялась среди прочих. А взгляд... Мягко говоря, от этого взгляда делалось не по себе.

Самое удивительное, что вслед за Корфом в ложу вошел семнадцатилетний светловолосый юноша – Джейсон МакКлелан – и спокойно, по-хозяйски огляделся по сторонам.

– Однако ж, – усмехнулся Николай. Он, оказывается, тоже обратил внимание на Корфа и Джейсона. – Жрецы Сераписа и вовсе лишились совести! Куда мы катимся, хотел бы я знать, если сын претора оказался в лапах этой шайки?..

– Ах, мсье Дурново, не знаю...

– Интересно, что по этому поводу думает сам претор?

Хэзер ничего не ответила – лгать не хотелось, а правду говорить не стоило. К тому же прозвучал звонок к началу спектакля.

Дурново любезно простился с Хэзер и отправился в свою ложу. Теперь Хэзер могла, пока не погасили свет, направить свой бинокль на Вальтера Корфа. Смотрела она на него лишь пару секунд, а затем перевела взор на другие ложи и на сцену. Ничем не выдавала она своего изумления от того, что Вальтер Корф в этот момент тоже смотрел на нее.

Грянула увертюра, затем поднялся занавес, и Хэзер сделала вид, что невероятно увлечена представлением. Разумеется, она в восторге от этой милой, очаровательной пасторали!

К концу первого акта она позволила себе соскучиться и стала лорнировать зал. У Анны Д'Эвре оказалось новое, великолепное бриллиантовое кольцо, а Вальтер Корф был удивительно невозмутим, смотрел в сторону сцены. Джейсон, сидящий рядом с ним, все время ерзал в своем кресле, глядел то на сцену, то на наставника, то озибался кругом.

«Глупый мальчишка, – подумала Хэзер. – Во что же ты ввязался?..»

Наступил антракт, сцена погрузилась в темноту. Свет в зале зажегся, как показалось Хэзер, очень неожиданно. Она даже вздрогнула, словно сияние всех люстр и всех светильников оказалось направлено на нее.

«Пора!» – поняла она и, поднявшись, вышла в наполняющийся людьми коридор.

Публика прогуливалась, беседовала, знакоилась между собой – в общем, была занята именно тем, зачем и пришла в театр.

Хэзер брела по коридорам, со всеми приветливая, но ко всему безучастная, всем улыбалась, ни с кем не заговаривала. Словно бы просто прогуливаясь, она постоянно искала Корфа и Джейсона. Выходя из зала, она точно видела, что их ложа пуста. Оставалось только надеяться, что они не уехали из театра. Наконец, она увидела Джейсона – он в одиночестве стоял в фойе, в самом низу лестницы. Хэзер стала спускаться, мысленно строя план действий.

Так. Когда она с ним поравняется, то улыбнется и учтиво кивнет – он не сможет не поздороваться с нею. Затем она завяжет с ним разговор. Корф наверняка где-то здесь, поблизости, и рано или поздно к ним подойдет. Тогда она заговорит и с ним – в тот момент уже будет ясно, как и о чем.

Только тут Хэзер поняла, что никогда не слышала голоса верховного жреца Сераписа. Она лишь изредка издали видела, как он говорит с кем-то. Что ж, все бывает в первый раз...

До конца лестницы оставалось пять ступеней, когда Джейсон вдруг обернулся и окатил ее пронзительно холодным взглядом. Хэзер замерла на мгновение, и именно тогда к ней подошел Вальтер Корф. Она так и не поняла, откуда он появился – на лестнице никого не было, в холле она его не видела. Разве что... он шел за ней следом?.. Хэзер замерла, будто став еще одной мраморной статуей театра. Вальтер смотрел на нее, чуть усмехаясь. Он стоял так близко, что она могла уловить аромат его одеколона, рассмотреть его лицо и костлявую золотую змейку на лацкане фрака.

Так они и стояли несколько секунд. Затем Вальтер медленно поклонился, Хэзер кивнула в ответ. Тогда он сошел с лестницы, вместе с Джейсоном пересек холл и вышел прочь из театра.

Хэзер тут же огляделась, лихорадочно думая, кто мог видеть произошедшую между ними немую сцену. Ей казалось, что все, хотя никто не глядел в ее сторону даже украдкой.

Хэзер раскрыла свой веер и, едва взмахнув им, поняла, как у нее дрожат руки и как горит ее лицо. Скорее прочь с лестницы! Здесь она, как на витрине.

Она поспешила наверх, думая о том, что произошло. В свои размышления она погрузилась так глубоко, что случайно поднялась намного выше своего уровня, на верхние этажи. Там были свои фойе и буфет – для тех, кто сидел на галерке.

В Вавилонской опере галерка была намного больше и находилась намного выше, чем во всех старых европейских театрах. Фактически, она представляла собой особый мир, не такой шикарный, как остальная Опера. Не удивительно, что тамошняя публика опешила, увидев Хэзер. Кто-то знал ее по фотографиям из колонок светской хроники, а кто-то не поверил своим глазам, узрев такую изысканную даму.

После встречи с Вальтером Корфом встреча с плебсом даже позабавила Хэзер. Она сложила веер, сделала реверанс и поспешила в свою привычную среду обитания.

3. Серьезный разговор в будуаре

Агента тайной полиции Хэзер заметила, едва подъехав к дому. Любой другой гражданин насторожился бы или напугался (если бы, конечно, смог узнать агента полиции), но она лишь поняла, какой гость ждет ее дома.

Старушка Агнесс, бледная и перепуганная, встретила ее в прихожей.

– В будуаре, – прошептала она.

Хэзер бросила ей накидку и прошла в квартиру.

Претор МакКлелан действительно сидел, откинувшись на спинку обитой бархатом софы, и листал деловой ежедневник.

– Добрый вечер, претор, – улыбнулась Хэзер, присаживаясь рядом. – Большая честь видеть вас в моем скромном жилище. Ваш визит связан с моей профессией?

– К сожалению, нет. Скорее он связан с моей профессией. Вернее, с нашим последним разговором.

Фальшивая улыбка испарилась с лица Хэзер и она отвесила претору легкую пощечину.

– Он знал! Следил за мной все время, пока я была в театре.

– Вам несказанно повезло, мисс Эйл, что этого никто не видел, – заметил претор, проведя ладонью по щеке. – Мне казалось, вы умеете отличать свои личные тревоги от реального положения дел.

– Он следил за мной.

– Это крайне маловероятно.

Тут в комнату явилась Агнесс с подносом.

– Я велел вашей горничной сделать чаю. Надеюсь, вы не против?

– Что вы, претор!

Агнесс поставила поднос на столик, разлила ароматный чай по чашкам и, с позволения, удалилась.

– Он жуткий человек... Если вы хотите пожертвовать мной, как пешкой, претор, скажите мне это прямо.

– Нет, не хочу. Я очень хочу... чтобы у тебя все получилось, Хэзер. Не тревожься за свою безопасность. Сегодня в театре за вами следили мои агенты. Вальтера Корфа привлекло только твое к нему внимание. Но ведь нам это и нужно.

Хэзер покачала головой.

– Что-то тут не то. Он вел себя так странно.

– Это ведь Вальтер Корф.

– Вы когда-нибудь говорили с ним?

– Нет.

Хэзер взяла чашку, но не стала пить, а просто держала, грея ладони.

– Мне нужен список мест, где он бывает и когда. И с кем из обычных людей он хотя бы иногда общается.

– Прошу, – МакКлелан протянул ей ежедневник. – Завтра отправишься в архив исторического музея.

– Почему не в сам музей?

– У Вальтера Корфа назначена встреча с одним из работников архива.

– И каким же образом я туда попаду? Переоденусь студенткой, влюбленной в историю? У меня есть очки на всякий случай.

– Нет. Нужные люди уже все продумали. Ты только должна сесть в механический экипаж на углу улицы Людовика XVI и площади Согласия ровно без четверти одиннадцать. Ровно! Машинист – крупный европеец, без бороды, в зеленом жилете. Ясно?

- Разумеется, претор.
 - Тогда, официальный визит можно считать оконченным.
- Хэзер вздохнула.
- Тогда я велю Агнесс подать ликер. Устраивайтесь поудобнее, претор.

4. Окно

Питер Ферт был скромным работником архива. Он был доволен и своей работой, и своим жалованием. Схоронив родителей и не имея ни сестер, ни братьев, он не спешил жениться. Квартиру свою он сдавал, а сам жил в комнатке в здании архива. Там было одно-единственное узкое окно, прямо напротив которого шел монорельс для механических экипажей. Впрочем, Питера он не тревожил – этот обходной монорельс использовался не чаще раза в две-три недели.

В общем, Питера Ферта все устраивало. До тех пор, пока идиллия не оказалась нарушена. Вернувшись из скромного кафе, где обычно обедал, он обнаружил у себя в комнате посетителя. Питер невероятно удивился – и дело было даже не в том, что у него редко посещали гости. Дверь оставалась запертой, и замок точно не был сломан, ведь он только что отпирал его своим ключом!

Дрожащей рукой включил он свет и с изумлением узнал в богато, но мрачно одетом госте жреца Сераписа, Вальтера Корфа. Тот любезно поздоровался с Питером, бросил на стол чек с обозначенной в нем внушительной суммой и сказал, что вынужден просить о небольшой услуге.

Корф достал из кармана небольшой кусок мрамора, размером с ладонь. Это явно был кусок барельефа – узкая змеиная морда с пустым глазом, ложбинкой давно потерянного сапфира.

– Узнаете? Не тревожьтесь – это копия. Мне нужен оригинал. Через два дня, в это же время я вновь буду у вас. Тогда вы получите это и еще один чек ровно на ту же сумму, – проговорил Вальтер Корф, холодно улыбнулся и вышел.

Питер Ферт ощупал чек, убедился в его реальности и решил, что это вполне достойное воздаяние за кусок мрамора, который профессора даже не смогли причислить к какой-либо определенной культуре. Все-таки жуткая неразбериха царила среди экспонатов всех коллекций, свезенных с Земли на Альфа-Вавилон (не всегда законным путем и на законных основаниях).

Главная же удача заключалась в том, что требуемый кусок барельефа хранился не в музее, а именно в архиве, где жил Питер Ферт.

Так что, полностью освободив вечер четверга, он беспрепятственно взял осколок мрамора из его картонной коробки в хранилище и отправился в свою комнату ожидать посетителя.

Едва войдя, он удивился тому, что по окну струится вода – на этот день не планировали увлажнение среды. Решив, что он по невнимательности что-то напутал, Питер затопил камин и повесил чайник на крючке над огнем.

Коробку любимых конфет, которые он купил сам себе на День основания Вавилона, он припрятал подальше, за книги. Он, конечно, понимал, что Вальтер Корф вряд ли позарится на его конфеты, но не хотел никоим образом выразить своего радушия по поводу визита этого человека. Конфетами с чаем он побалуется сам, когда посетитель уйдет.

Вдруг какой-то грохот отвлек его от дел. Ничто в его комнате не могло издать подобного звука, следовательно, прогрохотало что-то снаружи.

Питер подошел к окну, но из-за хлеставших по нему струй ничего не было видно. Поэтому он откинул защелки и открыл удивительно податливый старый ставень.

За окном его глазам предстала ужасная картина: механический экипаж, кривясь на бок, почти упал с монорельса. За его бортик отчаянно цеплялась молодая, богато одетая женщина, а машинист был бессилен ей помочь – он одним своим весом удерживал экипаж хоть в каком-нибудь подобии равновесия.

– Ах, помогите же мне! – взмолилась дама, завидев Питера.

Тот, разумеется, тут же свесился из окна, протянув ей руку. Изрядно повозив даму по кирпичной стене и уже сомневаясь в сохранности своих костей, Питер, наконец, втащил-таки ее внутрь.

– Простите, мэм, но дальше я вас везти не смогу, – раздосадованно сообщил машинист. – Машина совсем сломана и еле едет. Надо гнать ее в депо.

– Конечно-конечно! Я все понимаю, – закивала все еще дрожащая дама.

– Еще раз простите, мэм. Прощайте. Сэр! Храни вас Бог, сэр.

Машинист укатил прочь, скрывшись за поворотом, и только тогда Питер сообразил, что же произошло. Дама, в насквозь мокром платье и в полуобморочном состоянии опустилась на кровать. Было ясно, что просить ее уйти нет никакой возможности.

– Мэм... – протянул он, еще не зная, что именно хочет сказать. – Видите ли, мэм, ко мне вот-вот должны прийти. Крайне важный посетитель.

– Что? – встрепелась дама. – Ах, простите, я не расслышала, что вы сказали. Боже, как я напугалась! Вы – истинный рыцарь!

– Благодарю, мэм. Уверен, что любой на моем месте поступил бы так же. Но дело в том, что ко мне вот-вот должны прийти. Не мог бы я просить вас об услуге, мэм?

– Разумеется! Просите, что угодно.

– Дело в том, что я договорился о встрече. Об очень важной встрече! Она должна быть абсолютно конфиденциальной. Я полагаюсь на вашу честность, мисс, практически вверяю вам свою судьбу. Вы останетесь здесь, на кровати, но я закрою вас ширмой. А вы подберете ноги, чтобы вас вовсе не было видно...

Он вытащил из угла китайскую ширму и развернул ее перед кроватью. Дама, следуя его указаниям, подтянула ноги и закуталась в плед.

– Да, как будто бы не видно, – пробормотал Ферт. – И, умоляю вас, мисс, ни звука!

Затем он вновь заметался по комнате.

...Хэзер его не видела, но слышала, как он то и дело спотыкается, что-то роняет.

Чувствуя, что замерзает, она стянула с себя отяжелевшие от воды жакет и юбку. При этом не скрипнула ни одна пружина кровати. Опыт, что тут поделаешь!

Наконец, раздался стук в дверь. Тут же, как по мановению волшебной палочки – или по движению скрипучего рычага – прекратился искусственный дождь.

5. Визит Вальтера Корфа

Хэзер затаила дыхание, напряженно вслушиваясь в происходящее.

Коротко скрипнув, отворилась дверь, раздались неспешные, уверенные шаги.

– Добрый вечер, – чуть запинаясь, проговорил Ферт. – Прошу вас, сэр, проходите. Все готово.

Корф не отвечал – видимо, не считал нужным.

Ферт стал копать на полке, что-то ища.

– Вот, сэр. У меня все готово. Помните, вы обещали?..

Боясь, что все закончится так же быстро, как и началось, Хэзер решила действовать. Она повернулась с боку на бок, словно бы устраиваясь поудобнее, но намеренно скрипя пружинами.

– Сэр... – выдохнул Питер Ферт. Видимо, Вальтер Корф где-то там, за ширмой, настояжился и прислушался.

Медленно-медленно прошел он через комнату. Хэзер отчетливо слышала его шаги – ровно шесть.

Ба-бах! – ширма с грохотом отлетела в сторону, сшибая стопки книг. Хэзер инстинктивно вжалась в кровать.

– Ах... Вы, мадемуазель?! – прорычал Корф, ухмыляясь.

Хэзер приподнялась на локте, намереваясь заговорить, но он тут же наотмашь ударил ее по лицу. Она упала на подушки, на мгновение в ее глазах потемнело. Когда она опомнилась, в комнате будто бы все переменялось.

Питер Ферт под взглядом Вальтера Корфа медленно оседал на пол, пока не сжался на ковре ничком. Тогда жрец Сераписа взял со стола один из двух кусков мрамора и направился к выходу из комнаты.

Хэзер бросилась к нему желая удержать. Удержать, заставить заговорить с ним – любой ценой!

Он грубо оттолкнул ее, даже не взглянув в ее сторону. Хэзер упала на пол, но вставать на ноги не стала, а просто вцепилась в полу его плаща. Корф настолько не ожидал этого, что даже чуть качнулся. С изумлением и презрением в глазах оглянулся он через плечо.

– Пойдите! – взмолилась Хэзер со всеми кротостью и благоговейным трепетом, на какие только была способна. Слова летели вперед мыслей, она на ходу соображала, что говорить. – Скажите, где Силк Смит!

Корф пристально посмотрел на нее «Убьет, – подумала Хэзер. – Вот прямо этим доисторическим кирпичом».

Но тот рассмеялся.

– Дорогая мадемуазель, настоятельно рекомендую вам более никогда – слышите, никогда! – более не вытворять ничего подобного. Если, конечно, не хотите оказаться там же, где и Силк Смит.

Он вырвал плащ из ее рук и ушел, захлопнув дверь.

Из оцепенения Хэзер вывел свист кипящего чайника. Она сняла его с крючка, поставила на стол, а затем поспешила помочь хозяину, все еще лежащему на полу.

– Мистер Ферт! Вы меня слышите? Прошу, отзовитесь! Мистер Ферт...

Но, сколько она его ни тормошила, ни звала, он никак не реагировал. Он был бледен, глаза застыли стекляшками и смотрели в одну точку.

Хэзер надела свои мокрые вещи и побежала вниз. На первом этаже архива, думала она, наверняка есть телефонный аппарат.

6. Передышка

Хэзер Эйл не выходила в свет почти неделю и никого не принимала. Множество знакомых и поклонников приходили справиться о ее здоровье, но всем горничная отвечала, что «мадемуазель отдыхает». Претора, разумеется, такой ответ не устроил.

МакКлелан, не стесняясь, прошел прямо в спальню.

– Доброе утро, мисс Эйл... – заговорил он с порога, а затем уже присмотрелся. – О...

Хэзер сидела на кровати, откинувшись на гору подушек. На правой половине ее лица уже отцветал здоровенный синяк.

Равнодушным кивком она поприветствовала претора.

– Я даже не знаю, что и сказать, претор. Может, вам все же стоит поговорить с сыном?

– Мне очень жаль, что все так сложилось, – невозмутимо отвечал претор, присаживаясь за туалетный столик. – Что ж... На данном этапе мы оказались загнаны в тупик.

– Станете действовать традиционными методами?

– К сожалению, придется. Наверняка, будет шумиха, беспорядки...

– А чем был так ценен этот кусок барельефа?

– Откровенно говоря, ничем. Просто Корф собирает для своей Ложи старинные артефакты, якобы обладающие различными мистическими свойствами. Чем сложнее их достать, тем они кажутся более ценными в глазах его адептов.

– Прекрасно. Рисковала жизнью и честью за пресс-папье. Я только никак не могу понять, почему вы думали, что у меня так легко все получится? Это ведь Вальтер Корф...

– А это *ты*, Хэзер Эйл! Да о тебе ходит рассказней едва ли не больше, чем о его треклятой Ложе! Студенты стреляются под твоими окнами, промышленники чуть ли не пускают свои предприятия на ветер! Я, откровенно говоря, и не представлял, что он сможет отреагировать на тебя подобным образом. Что даже не растеряется, не ослабит бдительности... Ты действительно была без одежды тогда, в квартире у Ферта?

– Практически. Лежала на кровати, вот как перед вами сейчас. Кстати, как там Ферт?

– В глубоком шоке. Ничего не говорит, ведет растительный образ жизни. Корф действительно прекрасный гипнотизер.

Хэзер вздохнула, поправляя прядь волос, хоть немного прикрывающую синяк на лице.

– А что Джейсон? Он ведь не в курсе всего этого?

– Не знаю. Возможно, он в курсе всего, что знает Вальтер Корф. Я сам ему, разумеется, ничего не рассказывал.

– Его тоже арестуют?

– Если придется. Может выйти так, что я буду вынужден отдать и такой приказ – чтобы показать людям свою непричастность к Ложе Сераписа.

– Мне очень жаль, претор.

– Спасибо, Хэзер, – МакКлелан, отведя взор, поспешно поднялся на ноги. – Простите, но я вынужден вас оставить.

– Разумеется, претор. Благодарю, что заглянули.

– Не стоит. Выздоровливайте, мисс Эйл.

Когда он ушел, Хэзер отчего-то почувствовала себя еще хуже, чем до его визита. И сам претор был мрачнее тучи, и картина будущего рисовалась вовсе не веселой. И, черт возьми, она была ужасно зла на Вальтера Корфа!

До этого момента она думала о данном претором поручении только как о поручении. Но теперь, когда никто ничего от нее не требовал, ощутимо заскрипело зубами ущемленное чувство собственного достоинства.

– Высокомерный дикарь... – фыркнула она.

Хэзер пошевелила челюстью, открыла и закрыла рот, дотронулась кончиками пальцев до скулы (самого больного места). Ничего, через три-четыре дня можно будет вновь работать с людьми.

Она встала, потянулась, села на табурет у туалетного столика, где только что сидел претор. Хэзер открыла пудреницу и пару раз прикоснулась пуховкой к синяку. Конечно, тонкий слой пудры ничего не скрыл, но само это действие немного успокоило ее.

Да, она с удовольствием посмотрит, как вся Ложя Сераписа во главе со своим предводителем, отправится за решетку!

7. Призраки

Уважение к правилам этикета и общественному порядку крайне ценилось в Альфа-Вавилоне. Быть может, поэтому те, кто жил в Верхнем городе и те, кто жил и трудился в «подземелье», городе Нижнем, обычно не выходили за пределы своих ареалов обитания и не заглядывали друг к другу.

Трудно сказать, что именно напоминало вавилонское «подполье». Явно что-то мифическое, как и все в этом городе. Оно было похоже и на царство гномов, днем и ночью добывающих и плавящих руду, топящих громадные печи, но также (учитывая, какая рослая и могучая чернь трудилась здесь) оно было похоже и на Тартар, в который олимпийцы заключили титанов, едва захватив власть над Землей.

Днем и ночью эти жители нижнего мира гнули спины и рвали жилы. Их кожа почти не видела солнца, но была красна от постоянного жара. Они были постоянно заняты делом и уже перестали обращать внимание на редких, странных гостей.

Разные темные личности, бывало, спускались из верхнего города, как осадок. Иные заговаривали с обитателями подземелий, просто любопытствуя или желая что-то выведать у них. Но были и такие, кто приходил, таясь, по какому-либо мрачному, секретному делу.

Вот и снова явились из Верхнего города пятеро джентльменов с тяжелой ношей – огромным, в человеческий рост, свертком. Они молча пронесли его по нескольким цехам и подошли к колоссальной, самой жаркой печи. Там один из них вложил по серебряной монете в руку каждому из рабочих, стоявших рядом с печью.

Рабочие отступили в сторону, пятеро джентльменов бросили сверток в пламенное жерло и ушли прочь. Не прошло и пятнадцати минут, как содержимое свертка обратилось в прах, и лишь темный дым облачком выпорхнул из одной из труб, высившихся над Вавилоном.

В этот момент в Верхнем городе проснулась Хэзер. Ее не разбудил какой-то громкий звук или страшный сон. Она просто вздрогнула всем телом и, открыв глаза, не сразу узнала свою комнату.

Немного отдышавшись, она зажгла лампу на прикроватном столике.

«Нервы совсем расшатались в последнее время, пора выходить на работу», – подумала она и рассмеялась своим мыслям. Действительно, довольно с нее ужасов, мрачных тайн и таинственных личностей!

Полежав еще немного, Хэзер поняла, что больше не уснет. Что ж, тогда, вероятно, стоит выпить легкого белого вина и почитать Шелли.

Агнесс она решила не будить, сама поднялась и побрела в гостиную.

Изгибы лакированного дерева, кружево скатертей и салфеток, обивка стен были погружены в прозрачный, холодный сумрак. С улицы в окна проникал свет фонарей и смутные, ускользающие тени, но, как ни странно, ни единого звука. Прислушиваясь к этой тишине, Хэзер, как была, босиком, немного постояла в гостиной.

Дверцы буфета она открыла как можно тише, достала бутылку вина и бокал. Немного подумав, она взяла еще и большое яблоко из вазы с фруктами на столе. Бледно-зеленое, в ночном свете оно казалось почти белым.

«Нет, не Шелли. Лучше почитать что-нибудь из русской классики, – подумала Хэзер, уже возвращаясь в свою комнату. – Что же мне советовал мсье Дурново?..»

Однако в следующую секунду и Дурново, и Шелли, а вместе с ними и вся мировая литература вылетели у нее из головы. И, кажется, разбились вдребезги. Ах, нет – то разбилась бутылка, выскользнувшая из ее рук.

Хэзер, как соляной столб, замерла на пороге собственной комнаты. На ее кровати, которую она оставила несколько минут назад, сидел Вальтер Корф. Откинувшись на подушки, вытянув на шелковой простыне ноги в тяжелых, грязных ботинках, он обмахивался широкополой шляпой, как веером. На его чумазом лице расплылась самодовольная улыбка.

– Добрый вечер, мисс. Как-то неважно вышла у нас прошлая встреча. Хорошо у вас тут, свежо. А там, откуда я пришел, так жарко...

– Не боитесь простудиться? Не лучше ли вам вернуться туда, откуда явились?..

Корф холодно и гулко рассмеялся, а затем долго и пристально посмотрел на нее. Вдруг его улыбка превратилась в оскал, а затем и вовсе сползла с лица.

– Зачем вы здесь? – стальным шепотом спросила Хэзер.

– О, мадемуазель... Не в этих стенах!

Хэзер даже не успела опомниться или оглянуться, когда из угла к ней метнулись две плотные тени. Чьи-то руки обхватили ее, едва не ломая ей плечи, а на лицо легла ладонь с влажным платком. Последним, что она запомнила, был исходящий от него резкий, химический запах.

8. Дым

Агнесс, как всегда, поднялась рано, чтобы успеть приготовить завтрак для молодой госпожи. Она выжала сок из апельсинов, сварила крепкий кофе, в неизменное время купила у молочника свежего молока. Наконец, она испекла целую гору оладий с яблоками. Одну, горячую, с пылу с жару, она, не удержавшись, съела.

Затем она собрала завтрак на поднос, поставила рядом маленькую фарфоровую вазочку с цветком фиалки.

В комнату она вошла осторожно, боком открыв незапертую дверь. Изумленная и растерянная, замерла она на пороге, как и Хэзер несколько часов назад.

В воздухе витала остывшая тревога, множество деталей говорило о том, что в комнате случилось что-то «неправильное»... Задранный уголок ковра, внезапно оставленная, смятая постель, брошенное, раздавленное тяжелым сапогом, яблоко, разбитая бутылка... Душный воздух с чужим запахом – запахом гари.

Опасливо переступив через осколки бутылки, будто через мертвую птицу, Агнесс поставила поднос на туалетный столик. Руки ее в это мгновение так дрожали, что она боялась не пронести поднос даже этот короткий шаг.

– Мисс Эй! Мисс... – позвала она, повинуясь слабой надежде.

Ей потребовалась еще минута, чтобы понять, что никто не откликнется. Тогда Агнесс помчалась на кухню за успокоительными каплями.

Бежать, думала она, скорее бежать в полицию! Звать на помощь хоть кого-нибудь!..

Ах, она всегда знала, что дурное ремесло молодой госпожи даст о себе знать, что ничем хорошим это не закончится!

Ближе к вечеру, как раз в час вечернего чая, претор МакКлелан нанес неофициальный (по официальной версии) визит в дом семейства Дурново. Зашел он побеседовать с пожилой мадам, Анной Владимировной Дурново, с ее дружелюбным сыном и, разумеется, с его дядюшкой, Петром Павловичем, который тесно сотрудничал с промышленниками, занимающимися добычей ископаемых по ту сторону Транссибирского тоннеля. Говорили обо всем, о любых всевозможных мелочах и глупостях, дозволенных этикетом, лишь изредка упоминая о полезных ископаемых и их значении для благосостояния Альфа-Вавилона. Наконец, беседа достигла пика душевности и вот-вот должна была начать клониться к завершению.

Тут вошел пожилой привратник и сообщил, что прибыл посыльный с письмом для претора. Письмо он подал тут же на серебряном блюде.

Претор учтиво спросил извинения у хозяев и, взяв письмо, удалился на восточную террасу особняка. Она выходила на обширный сад с геометрически ровной лужайкой. Посреди нее высился фонтан – великолепный и вычурный, «римский». Некогда он с собратом-близнецом украшал блистательный Петродворец, резиденцию русских царей. Такой богатый и претенциозный элемент декора был подарен Российским Императорским домом благородному семейству Дурново (в частности, его покойному главе) за верную и преданную службу Отечеству.

МакКлелан огляделся (он не желал, чтобы кто-то видел даже его возможную реакцию) и развернул письмо.

– Ч-черт!.. – выпалил он, прочтя лишь первые две строки.

Он уперся кулаком в каменную ограду террасы и некоторое время смотрел куда-то сквозь чахлые деревья и едва виднеющийся за ними мутный горизонт. Немного успокоившись, он продолжил читать, но с каждой строчкой, с каждым словом мрачнел все больше.

Дочитав, он, не удержавшись, смял письмо, но затем вновь расправил, сложил и убрал в карман.

В гостиной, тем временем, между Анной Владимировной и Петром Павловичем шел спор о живописи.

Пожилой господин Дурново стоял перед скромным натюрмортом и критично причмокивал, покачивая головой.

– Нет, Анна Владимировна, решительно не вижу, чем вам так понравился этот Адольфо.

– Адольф, – поправил молодой Николай. – Он австриец, дядюшка.

– Ох, да с вами разве упомнишь? То вам итальянцы нравились целый сезон, а то теперь этот вот...

Все Дурново благодушно рассмеялись.

– И все же вы неправы, Петр Павлович, – вступилась Анна Владимировна за натюрморт. – Его картины, конечно, лишены размаха, да и особого божьего пламени, что уж греха таить. Но уж да чего они мирные, уютные такие...

Тут вернулся претор.

Несмотря на то, что он прекрасно владел собой, Николай заметил, что от былой светской легкости не осталось и следа – вместо нее во взоре МакКлелана затаилось напряжение.

– Простите, но я вынужден оставить вас. Мне только что сообщили о совершенно неотложном деле.

– Конечно-конечно! – подхватила госпожа Дурново, даже будто бы немного испугавшись. – Благодарю, что посетили нас, господин МакКлелан, сударь.

– Был рад знакомству, – поклонившись, чинно вымолвил Петр Павлович.

МакКлелан простился с ними, затем с Николаем, и удалился.

В полицейском управлении вечером было по-будничному тихо. Чему удивляться – трудившиеся здесь чиновники уже собирались домой.

Те, кто еще сидел в своих кабинетах-ячейках под единым стеклянным сводом, были настолько погружены в свои бумаги, в отчеты, что не заметили, как мимо них прошел сам претор с гвардейцем-охранником. Только секретарь в приемной вскочил при виде них и поспешил распахнуть дверь.

В кабинете начальника полиции, мистера Лефроя, оказался еще один человек – статный мужчина лет тридцати, с редкой проседью в густых, темных волосах.

– Это мистер Антуан Грево, – представил его Лефрой. – Лучший частный детектив Вавилона.

– Вы ведь не сотрудник Нового Скотленд-Ярда, – отметил МакКлелан, пожимая руку Грево.

Тот уверенно кивнул.

– Нет. Но состою на хорошем счету.

– Мистер Грево пользуется моим абсолютным доверием, – поспешил уточнить Лефрой. – Я уже ввел его в курс дела. Прошу, джентльмены, садитесь...

Все трое сели вокруг широкого письменного стола. Охранник остался за дверью.

– Я довольно долго занимаюсь всевозможными тайными обществами, сектами и тому подобными организациями Альфа-Вавилона, – заговорил Грево. – Они существуют в городе с момента его создания. Какие-то пришли из старого мира, какие-то возникли уже здесь... Но Ложа Сераписа отличается от них всех. Туда попадают люди из самых разных слоев общества (кроме Нижнего города, разумеется) и нам пока неизвестен ни один случай попытки покинуть ложу. Мы не знаем, какие наказания могут ждать того, кто осмелится это сделать, поскольку – повторяю – *никто никогда не пытался*. Их держит вместе, будто магнитный стержень, какая-то мощная и ясная идея.

– Какая? – быстро спросил МакКлелан.

– К сожалению, мы не представляем.

– За несколько лет не смогли выяснить? Ни вы, ни полиция?

Лефрой лишь развел руками.

– Мы пытались внедрить агентов в Ложу, но дальше низшей ступени – пажей – они не смогли продвинуться. Остальные две – рыцари и, тем более, жрецы – остались для них закрыты и недоступны.

– Но схватить кого-то из них, допросить!

– За что? До сих пор они не делали ничего противозаконного. Только набирали себе все больше людей – но ведь разные общества у нас не в новинку. Не арестовывать же мне их было за то, что они не принимают в свои ряды женщин! Слава Богу, времена суфражисток и любительниц приковывать себя к правительственным зданиям остались в далеком прошлом...

– Если бы вы арестовали хоть одного такого мерзавца заранее...

– Помилуйте, господин претор! А кого бы еще вы порекомендовали арестовать вот так, «заранее»? – выпалил Лефрой.

МакКлелан лишь на секунду опустил взгляд, будто бы молча соглашаясь. Лефрой продолжал:

– Я понимаю ваши чувства. Ваш сын оказался в руках этих чудовищ...

Претор так и подскочил со своего кресла.

– Мой сын уже арестован?

– Нет, – чуть опешив, вымолвил Лефрой.

– Так чего же вы ждете?! Неужто, моего на то разрешения? Он ведь ближайшая к Корфу персона.

– Осмелюсь заметить, претор, что его неожиданный арест может спровоцировать ненужные волнения.

– А я согласен с претором, – вставил Грево. – Может и не стоит арестовывать Джейсона МакКлелана в открытую, но допросить, установить слежку...

– Низко же вы нас цените, – фыркнул Лефрой. – Уж слежку-то мы давно установили.

– И где же он теперь?

Начальник полиции вдруг замаялся, переводя взор с одного своего собеседника на другого.

– Лефрой, где мой сын? – настойчиво спросил претор.

С увлеченностью мономана Джейсон следил, как опиумный дым вьется тугими струйками в воздухе. Он пытался даже дотронуться до дыма пальцами, поиграть с ним, но тот сразу же исчезал.

Чуть колыхался полупрозрачный занавес, отделявший его ложе от остальных. Чьи-то смутные силуэты скользили там, в полутьме, не задерживаясь в поле его зрения.

Вдруг, совершенно жутким видением, из этой полутьмы ему явился образ отца. Образ оказался на удивление осязаемым – настолько, что схватил его за ворот и приподнял с матраса.

Отец что-то говорил, он был, похоже, очень рассержен. Но до Джейсона долетал лишь рокошующий гул, будто дождь, грохочущий по жестяной плоти Вавилона. Джейсон сначала вскрикнул, затем стал смеяться. И смеялся, пока по щекам не полились слезы.

Нет, надо, в конце концов, собраться и взять себя в руки!

Тогда он заплакал – и заплакал, казалось бы, совершенно искренне.

– Мне так жаль... – простонал он. – О, папа, это ужасно!

9. Чаепитие

Очнувшись от жуткого сна без сновидений, Хэзер заметалась на кровати, будто все еще пытаюсь вырваться из цепких рук похитителей. Наконец, она поняла, что находится в комнате одна. В маленькой, совершенно незнакомой комнате.

Окружающая обстановка была бедной, но опрятной. Над кроватью находилось ложное окно-ниша с картиной, изображавшей цветущий весенний сад и стоящую на «подоконнике» оплавленную свечу в старинном подсвечнике с изогнутой ручкой, напоминающем по форме лампаду. Под потолком одиноко светила тусклая электрическая лампа, болтающаяся рядом с крюком от сорванной люстры.

Хэзер поднялась и обошла комнату. Все здесь было по-мещански простое и пошлое.

Зеркало, пред ним – умывальник. На крючке рядом с зеркалом висел шелковый халат, который Хэзер поспешила надеть, поскольку по-прежнему была только в ночной рубашке.

Единственным выходом оставалась запертая дверь, покрытая царапинами в области замка и петель – будто кто-то отчаянно и безуспешно пытался вырваться отсюда. Кто-то, кого долго держали в этой комнате прежде... Хэзер прильнула к двери, но не услышала ни звука с той стороны.

Она подошла к зеркалу, умылась холодной водой, расчесала волосы. А затем долго стояла, растерянно глядя на свое отражение. Незнакомая комната, тусклый свет – все это казалось составляющими абсурдного сна. Хэзер почувствовала, как кружится ее голова. Сон, дурной сон!

Хэзер подошла к двери и несколько раз настойчиво постучала.

– Эй! Откройте немедленно! Труссы, мерзавцы!.. Меня уже ищут!

Ответом ей оказалась тишина, такая глухая, будто и дверь была ложная. Вновь взглянув на царапины вокруг замка, Хэзер затихла.

В глазах у нее на мгновение потемнело от мысли, что она замурована. Нет-нет, ее не могут просто здесь оставить. Даже ее похитители, жрецы Сераписа, какими бы чудовищами они ни были, посадили ее сюда не для этого. Они могли бы просто ее убить, а после уволочь и спрятать уже труп. Но она для чего-то нужна им живой...

Вдруг она услышала за дверью шаги – неспешные, тихие, обыденные. Кто-то ходил по соседней комнате! Хэзер замерла, затаила дыхание, вся прильнула к двери и старалась разобрать, не мерещится ли ей.

Затем шаги стихли, дверь по ту сторону соседней комнаты захлопнулась. Хэзер едва не вскрикнула, вновь услышав тишину. Но тут же в стене зашевелился какой-то механизм – скрипел, переваливался всеми шестеренками все ближе к двери. Конечно, дверь этой мышеловки запиралась не ключом!

Вот, замок щелкнул, и дверь приоткрылась. Из соседней комнаты проник пучок более теплого и яркого света. Хэзер плотнее затянула широкий кушак халата, расправила плечи и, собравшись с духом, шагнула вперед.

Она оказалась в уютной гостиной, круглой, без углов, с круглым столом, накрытым к завтраку на две персоны. Одной персоной, очевидно, была она, второй – Вальтер Корф.

Он уже сидел за столом, просматривая свежую газету, утренний выпуск «Babylon Times».

– О, вы проснулись, – улыбнулся он Хэзер, как ни в чем не бывало. – Доброе утро, мадемуазель. Прошу, садитесь.

Хэзер села напротив него. Прямо перед ней на тарелке дымились нежный, пышный омлет и несколько копченых колбасок. В центре стола стояла ваза с конфетами и китайский терракотовый чайник на подставке.

– Вы ведь не против зеленого чая? – любезно поинтересовался Корф. – Мне егоставляет господин Вонг.

– Что вы! Я не имею ничего против зеленого чая, – процедила Хэзер.

Корф отложил газету и, пожелав гостю приятного аппетита, сам приступил к еде. Хэзер не шелохнулась.

Он умял половину своей порции, вытер губы салфеткой, и стал разливать чай по чашкам.

– Что с вами, мадемуазель? Вы не голодны?

– Я хотела бы быть избавленной от удовольствия есть в вашем обществе.

– Странно. В последние несколько дней вы из кожи вон лезли, чтобы заговорить со мной.

Вот вам шанс...

– Зачем я вам вдруг понадобилась?

– Я бы не хотел говорить об этом за завтраком.

– Вы убьете меня?

– Да.

– Так просто?

– А что в этом сложного?

Хэзер почувствовала, что сейчас заплачет или засмеется. Вернулось ощущение дурного сна, ужаса.

– Но за что? Зачем вам моя смерть?

– Лично мне незачем. Поверьте, мне вы никоим образом не мешаете. Обстоятельства, мадемуазель.

– Вы понимаете, что меня уже ищут?

– Не только понимаю, но и точно знаю, где и как. Подозревают, конечно, меня. Но кто сможет это доказать? И пусть сначала попробуют найти это место.

– Скоро вас, всю вашу Ложу, начнут арестовывать. Как думаете, сколько человек останутся верны вам?

– Все. Я не зря потратил то время, что являюсь верховным жрецом. Первым и пока единственным...

– И последним!

– Пусть даже так. Поверьте, я знаю способы сплочения людей. Я могу сплотить одной идеей весь Вавилон, а у меня в ложе меньше трехсот человек. И я уверен в каждом.

– Почему же я до сих пор жива?

– Не спешите, мадемуазель. Всеу свое время.

– Почему вы столь великодушно даете мне отсрочку? Сколько у меня времени – до конца завтрака?..

– Нет. До завтрашнего вечера.

– В чем же дело?

– В вас. Вы – вавилонская блудница, мадемуазель Эйл.

– Вы блюстител морали или Джек Потрошитель? Новый, выше рангом, поизобретательней...

– Ни то, ни другое. Повторяю – лично мне не доставляет никакой радости то, что предстоит сделать.

Хэзер, не удержавшись, отпила немного чаю из своей чашки. Пытаясь обуздать свои страх и гнев, она посмотрела прямо в черные глаза Вальтера Корфа. В его взоре читались лишь спокойная решимость, уверенность и маленькая толика усталого сожаления. И все равно этот взор пробирал до костей, отзываясь в висках физической болью. Монстр.

– Вавилонская блудница, – повторила Хэзер. – Неужто в Вавилоне мало других блудниц? Корф рассмеялся.

– Хотите, чтобы другая заняла ваше место?

– Нет. Но ради чего вы так рисковали, похищая меня?

– Откровенно говоря, вас не было в моих изначальных планах. Но простая блудница мне никак не подходит. Мне идеально подходила Силк Смит. Но она, когда поняла, зачем нам понадобилась, предпочла выйти из игры на собственных условиях.

Хэзер почувствовала, как холодок пополз по спине.

– Она мертва?

– К сожалению. Повесилась в той самой комнате, где теперь обитаете вы. Глупо! Она бы умерла и так, но в гораздо более торжественной обстановке и с большей пользой. И вы бы не оказались на ее месте.

– В торж... – Хэзер решила было, что ослышалась. – В торжественной обстановке? Так я вам нужна для какого-то ритуала?

Корф вздохнул, откидываясь на спинку стула.

– В общем и целом, да.

– Вы чудовище! Сумасшедший!

– Отнюдь.

– Вы настолько преданы своей зверской религии, что готовы убить невинного человека.

– Ну, на счет вашей невинности я бы с удовольствием подискутировал. А касаясь религии... Я в богов не верю вовсе – ни в каких.

– И тем не менее собираетесь меня убить?

– Да.

– И в чем же будет заключаться «торжественность обстановки»?

– Вы вряд ли ее оцените.

– Мне завяжут глаза?

– Нет. У вас такие прекрасные нефритовые глаза, их категорически нельзя прятать! Вы просто примете одну замечательную настойку – опять же, от господина Вонга – и вряд ли что-то поймете.

– Как милосердно с вашей стороны!

– Я же не зверь.

– Да, зверя в сложившихся обстоятельствах больше напоминаю я. Могу ли узнать, что именно вы намерены со мной сделать? Помимо убийства...

В этот раз Корф помедлил с ответом.

– Скажем так: ничего, не связанного с вашим ремеслом, мадемуазель. Языческий ритуал, сами понимаете, – он поднялся из-за стола. – Теперь, мадемуазель, я вынужден вас оставить.

– Разрешите только спросить, – опомнилась Хэзер, когда он уже подошел к двери. – Почему вы считаете, что я не «выйду из игры» так же, как и мисс Смит?

– Вы? – переспросил Корф, усмехаясь. – О, нет, мадемуазель. Вы будете надеяться и царапаться до последнего, а когда захотите «выйти из игры», будет уже слишком поздно. Всего доброго, мадемуазель. Прощайте. Был рад все же поговорить с вами.

Он дважды постучал в дверь, ведущую прочь из гостиной, и через секунду та не открылась, а отъехала в сторону. Так же она и вернулась на место, едва верховный жрец Сераписа вышел.

Некоторое время Хэзер сидела, сначала пыталась понять, но затем – просто не вдумываясь в услышанное.

Наконец, она принялась за остывший завтрак.

10. Осколки

В последний раз Джейсон сидел под домашним арестом лет в одиннадцать. Только тогда он не был прикован к креслу наручниками и отец не смотрел на него с таким откровенным, холодным презрением.

Претор сидел в кресле напротив сына, а рядом с ним стоял детектив Грево.

– Пожуришь, как обычно, или будешь действовать методами тайной полиции? – устало поинтересовался Джейсон.

Вместо ответа претор отвесил ему вовсе не отеческую пощечину. Грево на мгновение отвел взор и переступил с ноги на ногу.

– Что вы затеяли? – резко спросил претор. – Что придумали твои чертовы приятели?

– Которые?

– Фанатики-сектанты.

– Я не состою ни в какой секте.

В разговор вступил Грево:

– В ночь со среды на четверг из своей квартиры была похищена Хэзер Эйл. Вам что-то об этом известно?

Джейсон потер щеку.

– Теперь – да.

– Как давно вы видели Вальтера Корфа?

– На прошлой неделе в Опере.

Претор презрительно усмехнулся.

– Последние несколько дней ты являлся домой только дважды.

– Неправда. Я каждую ночь ночевал дома.

– Я тебя не видел.

– Ты меня и прежде не видел. Только раньше тебя это не тревожило.

– Отвечай на вопрос. Что Корф сделал с Хэзер?

Джейсон едва заметно, хитро прищурился.

– Не знаю.

– Не смей лгать, глядя мне в глаза! Когда мы нашли тебя, ты повторял: «Это ужасно».

– Конечно. Ты нашел меня в опиумном притоне.

– Если не скажешь все, что знаешь, пойдешь по всем притонам Вавилона!

Джейсон вздохнул – то ли обреченно, то ли собираясь что-то сказать – но промолчал, возведя очи к потолку.

– Претор, разрешите вас на пару слов? – быстро спросил Грево, наклонившись к Мак-Клелану. Тот кивнул, поднялся с кресла, и оба вышли в коридор.

В коридоре было темно, и они прошли в самый его конец – к овальному, выпуклому окну из старинных, неровных и грубых стекол.

– Мерзавец. – процедил претор, оглядываясь на дверь в комнату Джейсона.

– Сукин сын, – подтвердил Грево. – Сэр, мне кажется, нам стоит поменять тактику. Ваши угрозы на него уже не действуют.

– Он просто не верит, что я говорю серьезно.

– А вы говорите серьезно?

– Абсолютно.

Грево перевел дух.

– Надо везти его в участок.

– Нет! Я лучше лично выбью из него признание, чем...

– Чем уроните престиж?

– Вам кажется, это ерунда? Я фактический правитель Альфа-Вавилона!

– Слухи уже распространяются в народе. Подумайте, не начнут ли сомневаться в таком правителе, который укрывает свидетеля и, вероятно, участника преступления?

Претор долгое время не отвечал, а лишь, хмурясь, глядел в окно. На этот вечер было запланировано легкое увлажнение среды, так что вся улица – и садик перед домом, и скользящие прочь механические экипажи, и соседние дома – все было окутано плотным туманом.

– Хорошо, – с видимым усилием согласился МакКлелан. – Вызывайте Леффроя и его людей. Не хочу, чтобы на глазах у всей улицы моего сына увозил какой-то лейтенант или сержант. Чертовы снобы, только об этом и будут теперь судачить...

11. Хранитель голосов

Итак, аресты начались.

Все проходило быстро, чисто, а журналистам было велено молчать. Так что Отто Зелковиц, состоявший в Ложе, совершенно ничего не подозревал, шагая в это туманное утро на работу.

Работал господин Зелковиц библиотекарем. Вернее даже *фоноотекарем*, ибо вверенный ему отдел содержал фонографические записи (и пластинки, и валики) различной направленности и исторической ценности.

Отто Зелковиц пришел на службу ровно в 7.50 утра. Он зажег лампу в своем кабинете, а затем заглянул непосредственно в само хранилище, оглядел высокие полки со стройными рядами контейнеров и чехлов. Тут, как всегда, царили тишина, спокойствие.

Отто Зелковиц достал из ящика стола коробочку засахаренных апельсиновых корочек и бульварный роман в потрепанной обложке.

Да, работник Главной Вавилонской библиотеки, рыцарь ложи Сераписа, обожал бульварные детективы! В данный момент его увлекла невероятно популярная серия романов о двух братьях – борцах с нежитью. Аннотация на этом томе обещала душераздирающую, кровавую историю об ожившем пугале.

Отто едва успел прочесть первую страницу, когда открылись двери отдела. «Как рано нынче посетители...» – подумал было он.

Отто едва успел понять, что это вовсе не посетители, а полисмены, как его подняли из-за стола без лишних церемоний и вывели прочь.

Жестяная коробочка с апельсиновыми корочками и бульварный роман так и остались лежать на столе...

Первоначальная паника быстро сменилась готовностью к действию. Или, напротив, к бездействию – в зависимости от обстоятельств. Увидев в отделении полиции еще нескольких членов Ложы, Отто Зелковиц и вовсе успокоился.

Он прекрасно знал, *за что* могут арестовать именно *его*. Но раз власти решили выкопать всю Ложу, то может статься, они не в курсе этого темного дела. О нет, Отто волновался не за себя! Просто это темное дело было крайне важно для Вальтера Корфа.

Отто провели в одну из камер, имевшихся в участке, и посадили вместе с тремя карманниками. Идя по коридору, он видел сквозь прутья других камер своих собратьев по Ложе – каждого в столь же малоприятной компании. Одного, похоже, посадили с уличными проститутками, чему проститутки несказанно возмутились.

В своей камере Отто Зелковиц едва успел побеспокоиться о своем здоровье (кошелек-то остался в библиотеке), как полисмены вывели его прочь. Вот теперь хранитель фонетического отдела встревожился не на шутку.

– Вы слышали про «Голос Эдварда МакКлелана»? – спросил Грево.

Претор решил, что ослышался.

– Слышал ли я голос своего деда?

– Нет-нет... Неужто, вы не знаете об этой городской легенде?

Они сидели в кабинете Лефроя. Сам начальник полиции присутствовал при арестах высокопоставленных членов Ложы, имеющих значительный вес в обществе Вавилона. Грево разбирался со всеми документами и сведениями, имевшимися у полиции по текущему делу.

– «Голос Эдварда МакКлелана» – валики с записью, якобы сделанной вашим дедом перед смертью. Говорят, это какое-то жуткое пророчество о будущем Альфа-Вавилона. Как и о его

прошлом – о том, что было в изначальном проекте, который якобы отличается от того, что мы имеем теперь. Еще говорят, есть несколько копий.

– Ерунда, – отрезал претор. – Я отлично помню последние дни деда. Вся семья в кои-то веки собралась вместе... И, поверьте, немощный старик ничего не наговаривал на граммофон.

– Ну, он мог сделать это и раньше. Если вообще сделал.

– Но при чем тут этот «Голос»? Он говорил что-то про Корфа и прочих жрецов?

– Нет-нет. Его так называемые «откровения» очень общи и касаются исключительно города. Что в общем-то логично – инженер должен знать, как и сколько проработает созданный им механизм.

– По прогнозам наших лучших ученых Альфа-Вавилон простоит не меньше двух тысяч лет. При должном уходе и своевременной замене изношенных частей, разумеется. И при умеренном росте населения.

– Да-да, «Голос» говорит обо всем этом, но цифры его несколько расходятся с официальными.

– Вы сами его слышали?

– Нет, читал несколько стенограмм. Которые друг от друга-то существенно отличаются. Так вот, ходили слухи, что копии валиков с «Голосом» хранятся в отделе звукозаписей Главной Библиотеки. В том самом, которым заведует Отто Зелковиц.

– И поэтому вы потребовали привезти его в Управление? Считаете, что он имеет доступ к этим «пророчествам»? Думаете, они интересуют жрецов Сераписа?

– Не знаю точно, претор. Лично я считаю, что валики с «Голосом» существуют. Но при этом совершенно необязательно, что на них голос вашего деда.

Дверь открылась, вошел рослый полицейский.

– Мистер Грево, господин претор. Заключение по вашему требованию только что доставили.

– Немедленно ведите сюда! – велел Грево.

Отто Зелковица, который за прошедшее утро, казалось, потерял одну четвертую своего живого веса, ввели в кабинет начальника полиции. Его усадили на стул у края письменного стола и оставили на милость правителя Альфа-Вавилона и его лучшего частного детектива.

12. Тик-так, тик-так...

Едва Отто опустился на стул, часы на каминной полке пробили одиннадцать.

– Не знаю, как вы, мистер Зелковиц, а я в это время обычно пью кофе, – заметил Грево. – Вы сегодня пили кофе?

– Нет. Я сегодня даже не позавтракал.

– Что ж, завтрак в тюрьме вы уже пропустили. Обед будет в половине третьего, ужин в семь. Так что у вас еще будет возможность подкрепиться. Посодействуете правосудию – успеете на обед, нет – провозимся до ужина.

– Я был бы рад помочь вам, господа, но боюсь, что не смогу. Я стал членом Ложи недавно и не знаю ровным счетом ничего, кроме устава...

– В библиотеке, видно, время течет как-то по-иному. Я и представить себе не мог, что год – это «недавно». Может, скажете нам, зачем вы вступили в Ложу? Что вас привлекло – высокие идеалы, престиж?..

– Да! Именно. Престиж. Я, знаете ли, человек маленький, незаметный. Поэтому я и не отказался, когда старый знакомый предложил мне такую возможность. Мою кандидатуру долго рассматривали, затем, наконец, утвердили – приняли в пажи, а совсем недавно – в рыцари.

– Рыцарь, – протянул претор.

– Допустим, все, что вы только что сказали – правда, – продолжал Грево. – Как часто вы общались с Вальтером Корфом?

– Я видел его лишь однажды – когда вступал в Ложу.

– А как насчет тех двух раз, что он приходил в Библиотеку – в ваш отдел? Или то было не в вашу смену?

– Да-да, не в мою смену!

– Помилуйте, Зелковиц! Это уже даже не смешно. Корф приходил к вам – лично к вам! – дважды. Что ему понадобилось в отделе голосов?

– Я решительно не понимаю, о чем вы говорите, – лепетал Отто. – Я никогда...

– Ах, довольно, господин Зелковиц! Вы ведь передали ему «Голос Эдварда МакКлелана», не так ли? – выпалил Грево так, будто ему это и вправду было доподлинно известно. Зелковиц воззрился на детектива в каком-то благоговейном ужасе. – И не вздумайте вилить и дальше! Рассказывайте. И живо!

Грево стоял над арестантом, скрестив руки на груди и хмуря брови – немного картинно, но на Отто, похоже, действовало. Претор настороженно и внимательно наблюдал за обоими.

– Когда я перешел в отдел голосов, те валики – они уже лежали там. Даже не в самом отделе – в старой кладовке, которой давно не пользовались. Ящик был запечатан сургучом, я думал, что это какая-то затерявшаяся посылка.

– И вам стало любопытно, что в ней?

– Нет, что вы! Я не трогал этот ящик, пока не пришел он...

– Корф?

– Да.

– А он знал, что находится в этом ящике?

– Нет. Он описал валики, которые были ему нужны, назвал первые строчки, с которых начинается запись на них. И предложил мне деньги. Много денег. Понимаете, оклад у библиотекаря весьма скромный, а я хотел жениться...

– Невесту уже нашли?

– Конечно. Мы помолвлены.

– Что ж, будем надеяться, она дождется вас из тюрьмы. Итак, Корф захотел, чтобы вы достали для него эти валики.

– И я стал их искать. Перекопал весь отдел, сидел ночами, прослушивал все сомнительные записи, пока не вспомнил об этом ящике в кладовке. О нем на моей памяти никто никогда не спрашивал. Я и решил заглянуть в него. Подумал, что в случае чего, расплавлю и залью сургуч обратно...

Тут Отто Зелковиц осекся. Его глаза остекленели, сделавшись непроницаемыми. Лицо переменялось – будто влажная, вязкая глина в мгновение ока засохла, запеклась, затвердела...

– И? – поторопил его Грево. – Валики были в той коробке?

– Нет, – удивительно спокойно отвечал ему Зелковиц. – В той коробке оказалась куча старых семейных фотографий. Не знаю даже чьих.

– Что?! Вы же только что сказали...

– Я ничего вам не сказал. Я не нашел валиков и ничего не передавал Вальтеру Корфу.

Претор, не выдержав, ударил кулаком по столу.

– Ну, Зелковиц, с нас довольно. Думаете, дураков нашли? Вы соображаете, где находитесь, с кем говорите?

Отто Зелковиц уставился в пол и ничего не отвечал.

Раздался стук в дверь, и вошел полисмен.

– Господин претор...

– Да, я вас слушаю.

– Ваш... То есть арестант Джейсон МакКлелан просит встречи с вами. Он утверждает, что это касается неотложного дела.

МакКлелан и Грево переглянулись.

– Такую возможность нельзя упускать! – сказал детектив. – Идите не мешкая.

Претор встал из-за стола и вышел вместе с полисменом. За дверью к ним присоединился охранник.

Вместе они прошествовали в другое крыло здания, где находился архив вещественных доказательств, а также несколько камер для временного содержания особых арестантов. Сейчас была занята только одна, пока Лефрой еще не привез экипажи, под завязку полные возмущенных и оскорбленных жрецов.

Вероятно, именно поэтому Джейсон и решился поговорить с отцом теперь – чтобы его прошлые соратники не увидели.

Он сидел на лавке в глубине камеры и даже не поднял взора, когда отец переступил порог.

– Оставьте нас, господа, – обратился претор к охраннику и полисмену. Они покорно удалились в начало коридора.

– Итак, что ты хотел мне сказать?

Джейсон лишь поднял на него глаза. Претор продолжил:

– Если ты решил сказать правду о Ложе, можешь рассчитывать на мою полную поддержку. Я сделаю все...

– Мне ничего не нужно. Просто я не хочу быть повинен в смерти невиновного человека. Пока у нас... У них была Силк Смит, меня это не так терзало. Но Хэзер... Я знаю, что она для тебя значит.

– Что они задумали? Они убьют ее?

– Да.

– Зачем им это?

– Они сейчас где-то в Нижнем Городе, и Хэзер там же. Где именно, я не знаю. И больше не спрашивай. Мне жаль Хэзер, но о Ложе я не скажу более ни слова.

– Спасибо, – кивнул претор. – Я сделаю все, что смогу, чтобы вытащить тебя...

– Я ни о чем не прошу, отец.

13. В храме Сераписа

После злополучного завтрака Хэзер больше не давали ни есть, ни пить. К ней никто не приходил, никакие звуки не доносились в этот каменный мешок.

Она осмотрела каждый угол своей каморки, отодвинула, насколько смогла, всю мебель, простучала стены. Она даже вытащила из ниши картину с цветущим садом, но за ней обнаружился лишь все тот же бетонный монолит.

Иногда Хэзер засыпала (случалось, что и прямо на полу), но очень скоро просыпалась оттого, что ей мерещились шаги ее тюремщиков.

В последний раз она переживала похожую тревогу (несравнимо меньшую, конечно, но похожую) в шестнадцать лет. Это было перед самым важным ее выходом в свет – перед встречей с самым первым ее клиентом. Ей несказанно повезло, как редко везет девушкам ее профессии, – первым ее клиентом оказался достаточно молодой и милый человек. И заплатил очень-очень щедро. Еще бы – он все-таки платил за первую ночь любви.

Что ж... Теперь Хэзер предстояла последняя ночь ужаса.

Засыпая, устав от тревоги и смутных страхов, она почувствовала, что ей почти уже интересно – что же там будет? Что уготовили для нее эти неверующие сектанты?..

Однако когда она проснулась от скрипа механизмов в стене, ее охватила настоящая паника. Они пришли! Они пришли за ней!

Спросонья Хэзер даже не сразу поняла, что видит людей. Вошедшие мужчины были одеты в отглаженные брюки, жилетки и накрахмаленные рубашки – как официанты или вальеты. И на каждом была маска – сплошная, глухая, угольно-черная.

Не дав Хэзер опомниться, они подхватили ее под руки, подняли с кровати и уволокли прочь.

Будучи в шоке, еще не опомнившись от короткого сна, Хэзер вначале не сопротивлялась своим стражам. Ее провели через темную гостиную, где она завтракала с Вальтером Корфом.

Далее они оказались в тускло освещенном коридоре. Пол тут был бетонный, холодный, и, ступая по нему босыми ногами, Хэзер окончательно убедилась в безжалостной реальности бытия.

Она в первый раз попыталась вырваться из рук стражей, но они держали ее так крепко и уверенно, что, казалось, даже не заметили этой слабой попытки.

– Прошу, не надо! – вдруг выпалила Хэзер и тут же до боли закусила губу.

Как же глупо – вот так вымаливать пощаду у невозмутимых фанатиков! Нет, она не станет их молить и не станет плакать. Впрочем, если верить словам Корфа, настойка господина Вонга избавит ее от самой возможности заплакать.

Хэзер ввели в лифт и повезли куда-то вниз. Перед ее взором промелькнуло несколько этажей, прежде чем они опустились в какое-то... подземелье. Не зная другого мира, кроме Вавилона, Хэзер решила, что ее теперь ведут по настоящему подземелью. Как иначе можно назвать это сырое, темное, пахнущее гнилью переплетение множества коридоров?

Чем дальше они шли, тем теплее становился пол, будто под ними была жаркая котельная. И еще ей стала слышаться какая-то странная музыка – негромкая, ритмичная, даже успокаивающая. Напевы флейт, гулкие переливы и переходы по полому, сухому дереву.

И вот, впереди появились высокие двери. Створки были чуть приоткрыты, и на пол коридора ложилась ровная полоса темно-желтого, огненного света.

Стражи подвели Хэзер к порогу. Двери им открыли изнутри – еще двое стражей, в таких же масках и в расшитых золотом плащах с капюшонами.

Первые двое передали пленницу им, а сами остались в коридоре. На секунду оглянувшись, Хэзер увидела только их воротнички и рукава – все остальное слилось с темнотой.

Новые стражи втащили ее в тревожную, темно-желтую духоту и теперь уже плотно захлопнули дверь. Хэзер оказалась со всех сторон окружена невысокими стенами из тростника. Поверху был натянут полог – длинное черное полотнище, спадающее впереди занавесом. Сквозь прорехи в нем и через щели в стенах Хэзер видела другое помещение – огромное, залитое светом от огня сотен светильников, факелов. Там было множество людей – Хэзер слышала их шепот, многократно усиленный эхом. И еще тут был какой-то тяжелый, жуткий запах...

Все это она увидела-услышала-поняла всего за мгновение. Разум отчаянно цеплялся за все, за каждый пустяк и мелочь. Никогда еще ее глаза не видели столь четкой картины, никогда еще ее тело и все существо не было настолько здесь и сейчас.

«Неужели и вправду – конец?» – подумала она изумленно.

Тут один из стражей подал ей чашу с каким-то травяным отваром. «*Зелье господина Вонга...*»

Хэзер резко отвернулась, будто не желая даже вдыхать запах зелья.

– Настоятельно советую выпить, мадемуазель, – раздался из-под маски голос стража. – Вам будет только легче.

Хэзер секунду помедлила, а затем вдруг подчинилась – повернула голову и коснулась губами края чаши. Страж сам наклонил ее так, чтобы пленница отпила несколько глотков.

Затем чашу просто отбросили в сторону, Хэзер повели дальше. Вернее ее вытолкнули вперед, за черный полог, который, качнувшись, тут же вернулся на прежнее место.

А Хэзер не успела даже увидеть, где оказалась, как ее обволокло что-то вязкое и теплое. Нет, не обволокло – омыло. Она услышала свой собственный крик и лишь затем окончательно поняла, что ее окатили свежей кровью. Едва она успела схватить ртом воздуха, как на нее вылили еще столько же ледяной воды.

Хэзер не смогла устоять на ногах и упала на мокрый пол. Сознание и чувства ускользали куда-то. «Вот и все. Хорошее зелье, господин Вонг», – мелькнуло у нее в голове.

Она уже не могла пошевелиться, но некоторое время еще чувствовала, слышала и даже видела, что происходит вокруг.

Шепот множества голосов стих, в огромном зале теперь царила торжественная тишина. Кругом амфитеатром поднимались ряды скамей из светлого дерева. Первый, самый узкий ряд был заполнен людьми, середина была практически пустой и только на двух последних рядах виднелись люди.

Нет, не люди – маски. Множество черных личин, словно провалов на золотистом фоне.

Хэзер почувствовала, как кто-то берет ее на руки, подхватывает уверенно и осторожно. Через намокшую сорочку она чувствовала чужое тело – сильное, крепкое, горячее и тоже почти обнаженное. Да, на человеке, похоже, был только шелковый халат.

Хэзер пронесли через весь зал и опустили на низкое, широкое ложе. Прямо над собой она увидела золоченую морду колоссальной статуи быка. Из его ноздрей вились темные струйки дыма.

Затем перед ней возник Вальтер Корф. Черный шелковый халат был распахнут на его груди. Оказывается, он сам нес ее.

– Что же вы не спите, мадемуазель? Засыпайте. Не нужно вам знать, что станет с вашим телом дальше.

– Я так устала, – едва слышно прошептала Хэзер.

– Так спите... – велел ей Вальтер.

И она уснула.

14. Пробуждение

Хэзер снился дом – родной дом, который она не видела с тех пор, как ей исполнилось пять, и который она уже много лет даже не вспоминала. Маленький домик на южной окраине Вавилона. Улица, на которой он стоял, представляла собой огромную лестницу, как в старых городах Европы. Днем на ее широких ступенях располагались торговцы зеленью, фруктами и разнообразной мелочевкой.

Анджела Эйл, молодая швея, жила со своей дочуркой в комнатах на верхнем этаже двухэтажного дома. Этот дом стоял чуть в глубине общего ряда, будто опасливо спрятавшись под сенью более крупного соседа. От этого в доме только ранним утром было солнце. Маленькая Хэзер привыкла вставать рано и тут же идти будить маму. Робко постучавшись, но, не дожидаясь ответа, заходила она в комнату, открывала дверь балкона, словно впуская утро. Потом она забиралась на кровать к маме, рассказывала свои сны (иногда, придумывая их на ходу).

Затем мама одевалась и спускалась в общую кухню готовить завтрак, а Хэзер играла в ее комнате. В маминной комнате было так интересно – тут имелось множество занятных вещей: бусы, серьги, заколки, румяна, помада!.. Они были очень дешевые, и Анджела не запрещала дочери возиться со всеми этими взрослыми безделушками.

После завтрака обе принимались за работу. Малышка, как могла, помогала матери – подвала тот или иной моток ниток, придерживала ткань, пока мама отрезала ее или сшивала.

Все оборвалось, когда Хэзер пошел шестой год. Маму забрала болезнь, хотя все кругом уверяли, что это сделал Бог...

Девочку отправили в приют. Там ее впервые навестила тетушка Люси – двоюродная сестра ее матери.

Увидав ее, Хэзер решила, что к ней, как к Золушке, пришла Фея-Крестная – до того тетушка была красива. Платье, украшения, шляпка – все в точности такое, какое девочка видела лишь на картинках. Только воспитательницы в приюте отчего-то глядели на тетушку Люси с холодным презрением, даже не думая его скрывать. Так же они глядели и на подарки, которые она время от времени присылала девочке... Не один год прошел, прежде чем Хэзер подросла и сама все поняла.

Столько лет минуло, так все переменялось, и она все реже вспоминала родной дом. Вернее, стала его забывать.

И вдруг, в этом бреде, такая ясная, живая картинка.

...Она вновь открывает балконную дверь и говорит маме, что ей приснился страшный-страшный злодей и огромный бык. Они вместе смеются – ведь теперь все хорошо и солнечно. Но тут малышка Хэзер оборачивается и видит на балконе высокую черную фигуру. С ужасом узнает она в нем того самого злодея из сна. Девочка бросается к балкону, чтобы закрыть двери. Но злодей держит двери и смеется. Хэзер кричит.

Кричит и просыпается.

– Все хорошо, мисс, все хорошо! – принялась убеждать ее суебливая медицинская сестра.

Но Хэзер никак не могла понять, что все хорошо, и металась в истерике. Зелье еще бродило в ее крови и не давало осознать, что происходит.

На ее крики прибежали врач и крепкий санитар. Ей вкололи снотворное, отчего она вновь уснула.

На этот раз ей уже ничего не снилось.

Когда она открыла глаза, то долго не могла понять, где же находится: дома, в приюте или в Храме Сераписа. Оказалось, что она в больничной палате. Голова гудела, но все остальное тело, похоже, было в порядке.

Хэзер села на кровати и огляделась. Да, так и есть – просторная, одноместная палата, на ровной стене картинка с пейзажем, на подоконнике ваза с цветами.

– Эй... Есть тут кто-нибудь? – не слишком уверенно позвала Хэзер. К ее удивлению, в палату тут же вошла медсестра.

– О, мисс, вам лучше!

– Похоже на то... Скажите, где я?

– В больнице Святой Елены.

– Давно?

– Вас вчера привезли, вечером. Едва успели спасти от этих изуверов. Настоящее чудо! Все утренние газеты только об этом и пишут...

– Не может быть. Тут какая-то ошибка.

Хэзер уцепилась за нежную кожу на внутреннем сгибе локтя. Получилось больно вдвойне, поскольку там находилась ранка от иглы шприца.

– Не хотите ли успокоительное, мисс?

– Нет. Довольно с меня снадобий. Принесите лучше пару утренних газет.

– Слушаюсь, мисс.

Сестричка быстро поклонилась и вышла прочь. Только когда ее шаги стихли на лестнице, Хэзер поняла, что надо было спросить о завтраке.

А пока она выпила воды (изголодавшийся и крайне недовольный желудок потребовал добрую треть графина, стоявшего на прикроватном столике) и попыталась встать с кровати. Преодолевая головокружение, для страховки касаясь пальцами стены, Хэзер подошла к окну.

Настоящее окно в настоящий мир. Нет, это абсолютно точно не сон! Хэзер почувствовала, как к горлу вдруг стали подступать слезы, и чуть запрокинула голову. Так прямо перед ее взором оказалось солнце. Оно не слепило глаз – смутным, едва теплым диском плыло оно в дымке, куполом накрывавшей Альфа-Вавилон. В дымке, сотканной из тумана, пара и дыма заводских труб и из мертвленного дыхания самой Земли...

Дверь вновь открылась. Обернувшись, Хэзер обнаружила, что с утренними газетами в руках к ней вошел сам претор.

– Я встретил вашу медсестру по дороге и отправил ее за завтраком для вас. Вы ведь не против, мисс Эйл?

– Вы читаете мои мысли, претор.

Хэзер села обратно на кровать, а МакКлелан подал ей газеты и опустился в кресло по другую сторону столика.

– Расскажите же мне, что случилось! А то я от волнения не могу читать. Это все правда? Вы нашли меня, вы успели?

– Если бы не успели, мы бы сейчас не беседовали. И, пожалуйста, не надо этого «вы». Меня там и близко не было. Поблагодаришь потом Лефроя и Грево – это они оказались дровосеками. Спасли Красную Шапочку от Серого Волка.

– Надеюсь, ему вспороли брюхо?

– К сожалению, нет. Он сейчас в одиночной камере в Первой городской тюрьме. Ожидает суда.

– Я хочу присутствовать. Сможете это устроить?

– Разумеется.

Хэзер, наконец, вытащила одну газету из вороха и открыла на странице, обещавшей самые удивительные и скандальные фото. От первого же фото она покатилась со смеху. Претор

чуть вытянулся в своем кресле, наклонившись вперед, как двоечник, подглядывающий в тетрадь к прилежному ученику.

Самое крупное фото изображало Вальтера Корфа в светлых, свободных штанах (на самом деле, штаны были светло-алые) с китайскими узорами и в черном халате.

– Какой ужас! Какой он волосатый!.. – ахнула Хэзер и вдруг поджала губы. – А штаны он так и не успел снять...

– Да. Он успел только разорвать на тебе ночную сорочку. Она теперь приобщена к делу, как вещественное доказательство.

– Получается, я предстала перед всеми полисменами в костюме Евы?

– Если тебя утешит, Грево сразу же завернул тебя в свой плащ.

– Джентльмен! Как же вы... то есть, как они вычислили этих маньяков?

– Те прокололись на коровах.

– На чем?!

– На коровах – тех, чьей кровью тебя окатили. Фермеров среди них не оказалось, так что пришлось им покупать двух коров в хозяйстве одного фермера на юге Вавилона. Потом фермер отвез животных почти к самому храму. Хотя, он и не знал, кто его таинственные покупатели, все же счел подозрительным, что кому-то в Нижнем городе понадобилось разом столько свежей говядины. Когда поползли слухи, фермер заподозрил неладное и обратился в полицию.

– Напишу ему письмо с благодарностью, – пообещала Хэзер и отбросила газеты прочь. – Потом прочту все это.

Раздался осторожный стук, дверь отворилась и в палату вошла медсестра. На подносе в ее руках был долгожданный завтрак.

– Надеюсь, это не омлет? – лениво поинтересовалась Хэзер.

15. Кто вы, господин Корф?

Вавилон радовался тому, что случилось с Ложей Сераписа, как собака радуется сахарной косточке. Теперь было о чем говорить, ради чего продавать и покупать газеты, ради чего пить чай с подругами и бренди – с друзьями. Слыханное ли дело: очаровательная куртизанка, религиозная секта и зверское убийство – на одной полосе газеты!

Все судебные процессы над членами Ложы были публичными и подробно освещались вавилонской прессой. Все, кроме одного...

Стояло ясное раннее утро – на удивление ясное для Вавилона.

Вальтера Корфа везли на суд в простом полицейском экипаже с двумя конвоирами. Хотя, еще десяток полисменов в гражданском ехали в механических экипажах впереди и позади, а также дежурили возле здания на улице. Те бравые ребята, что ехали с Корфом, изо всех сил старались выглядеть невозмутимыми (что им неплохо удавалось), но на самом деле сердца их трепетали где-то в пятках. Они не могли понять, отчего он так спокоен – этот человек, почти месяц дожидавшийся суда, потерявший так или иначе всех своих сторонников...

Хотя охранник, дежуривший на этаже, где держали Корфа, уверял, что жрец Сераписа в ночь перед судом... плакал. Нет, не рыдал, заламывая руки и вопия к Небесам – охраннику послышался один-единственный приглушенный всхлип. Тогда он прошелся по полутемному коридору туда-сюда, будто следя за порядком. Вальтер Корф лежал на своей койке лицом вниз, но совершенно спокойно и ровно дыша. Охранник решил, что ему послышалось, но на утро все же рассказал об этом приятелям. Те лишь плечами пожали – Корф был так свеж и спокоен, будто собирался в клуб.

Корфа ввели во Дворец Правосудия с черного хода. Едва пробило семь, люди только-только подтягивались на службу, и конвоиры торопились поскорее передать своего подопечного справедливому суду.

Собственно на процессе присутствовали судья Оруэлл, претор МакКлелан, начальник полиции Лефрой, Хэзер Эйл, а также Джейсон.

Учитывая малое количество присутствующих, заседание решено было провести не в зале суда, а в достаточно небольшом кабинете.

Окна здесь были узкими и глубоко сидели в отделанных дубом стенах. Горел неестественно яркий электрический свет, лился из прилипших к потолку плашек светильников, и от него предрассветная муть за стеклами меркла.

Хэзер присутствовала на процессе исключительно по личной просьбе претора – ее более не собирались допрашивать как свидетеля. Единственным свидетелем обвинения оставался Джейсон. Свидетелей защиты, как и адвоката, не было. Судья присутствовал, но лишь номинально, ибо всем было ясно, что и обвинять, и судить Вальтера Корфа будет сам претор.

Хэзер отвели тихий укромный уголок с мягким креслом, в которое она погрузилась и умолкла, наблюдая.

За массивным столом, изогнутым полукружием, рассаживались степенный судья в мантии и парике, секретарь, с пишущей машинкой, Лефрой и Джейсон МакКлелан.

Последним к столу подошел претор. Садиться так и не стал, сверился с золотым брегетом и велел страже у входа:

– Введите обвиняемого.

Двери открылись и двое полисменов ввели Вальтера. Руки его были сцеплены тяжелыми наручниками, а глаза завязаны полосой плотной черной ткани. Увидев это, Хэзер почувствовала облегчение – единственное, чего она боялась, это вновь встретиться с Корфом взглядом.

– Мадемуазель Эйл, вы здесь? – первым делом спросил Вальтер, когда его усадили на резной стул с высокой прямой спинкой, стоящий перед разомкнутыми объятиями стола.

– Перед вами ваши судьи и свидетели обвинения, господин Корф, – отчеканил Кристофер МакКлелан. Он так и не сел за стол, а подошел к обвиняемому.

Вальтер повернул голову в одну и в другую сторону не то осматриваясь, не то прислушиваясь, не то... чувствуя окружающих иным способом.

– А Джейсон тут, – проронил он. – Ох, Кристофер, неужто вы действительно поверили в его раскаяние? Этот дьявол сумел обмануть даже меня.

– Я заметил, что вы сильно себя переоцениваете, господин Корф.

– Я недооценил способного ученика. Сильно недооценил, – Вальтер усмехнулся. – Как и вы. Вы еще удивитесь тому, насколько он превзойдет меня...

– Довольно! – оборвал его претор. Мимолетно оглянувшись на бледного, но хранящего достойное спокойствие Джейсона, обратился к судье: – Ваша честь...

Претор, наконец, сел за стол. Судья степенно кивнул, поправил документ, лежащий перед ним, и заговорил под стрекот ожившей пишущей машинки.

– Господин Корф, прежде чем мы начнем – есть ли у вас какое-либо пожелание или просьба?

– Да, ваша честь. Я хотел бы услышать свой приговор.

– Вы услышите его в надлежащее время, – отвечал судья ледяным тоном. – Итак, заседание объявляется открытым. Вальтер Корф, вы обвиняетесь в подготовке и попытке умышленного убийства, похищении людей, а также в организации религиозной секты. Вам понятны предъявленные обвинения?

– Да, ваша честь. Но я бы добавил еще одно.

Все присутствующие переглянулись.

– Господин Корф, должен вас предупредить, что подобные высказывания могут быть расценены, как неуважение к суду.

– Я всего лишь хочу подсказать, за что меня стоит судить на самом деле.

– За что же, господин Корф?

– За государственную измену, – объявил Вальтер и усмехнулся.

Претор процедил сквозь зубы:

– Ваша честь, этот мерзавец издевается над всеми нами!

– К порядку, господа, – призвал судья. – Господин Корф, поясните, пожалуйста, ваши слова об измене. Прежде всего, как вы представляете себе государственную измену в мире, где существует лишь одно государство?

– Скажем так, я изменил нынешнему в пользу будущего.

– Хотите сказать, что под видом религиозного сообщества вы организовали революционную группу?

– Неужели эти глупцы, предавшие меня, так этого и не поняли? Неужели, ни один? Ну, кроме Джейсона, конечно. Кстати, что они говорили на допросах и заседаниях?..

– Сейчас речь не о ваших бывших товарищах. Отвечайте!

– Я говорил им, что знаю истину – и я действительно ее знал. Я обещал им, что вместе мы сможем создать новый мир – и мы смогли бы...

– Чем же вам не угодил нынешний мир? У вас есть уникальная возможность сказать об этом прямо в лицо его хозяину.

Корф лишь ухмыльнулся:

– У Вавилона нет хозяина.

– Вы хотели стать таковым?

– Почему нет? Но не стал я – станут другие. Я лишь подготовил их приход. О, если бы вы знали, какие хозяева грядут...

– А вы знаете?

– Предполагаю.

– И откуда же у вас сведения для подобных политических прогнозов?

Корф повел плечами.

– Так. Личные измышления.

– Что вам известно о валиках или валике с записью голоса Эдварда МакКлелана?

– Красивая легенда!

– Не эту ли запись должен был достать для вас из архивов Отто Зелковиц?

– Ну что вы! Я искал «Песни звездной лагуны». Это, знаете ли, любимая пластинка моей покойной бабушки.

Тут даже среди небольшой аудитории поднялся гул и судье вновь пришлось воззвать к порядку. Претор продолжил:

– Вальтер Корф! Расскажите суду, как и с какой целью вы создали секту, которую назвали Ложа Сераписа.

– Нужна была красивая идея. Религиозный флер всегда интереснее, чем просто политическая программа.

– Почему же именно Серапис?

– Этот бог был искусственно создан для того чтобы объединить народ древней Александрии. Мне показалось резонным использовать его для сплочения народа Нового Вавилона.

– Как же вы пришли к идее «изменить нынешнему в пользу будущего»?

– О, к этой идее я шел довольно долго.

– Суд готов вас внимательно выслушать.

16. Рассказ Вальтера Корфа (стенографическая запись, расшифрованная и приобщенная к делу)

...Я родился не в самом Вавилоне. На Промышленном отроге, по ту сторону Транссибирского тоннеля, у моего отца был завод. Вавилонское общество он не любил... Так что до шестнадцати лет я жил в таком странном мире, что вам и не представить.

Там, на отроге жизнь совсем другая. Много русских – тех, чьим семьям принадлежали сибирские заводы и земли еще до Вавилона, много народа с Востока – из Японии, Китая, Индии. Но самое главное, там нет Верхнего и Нижнего города. Есть промышленная зона и жилая. Собственно, ничего удивительного – весь отрог размером с одну окраину Вавилона. А впрочем, для вас это не столь уж важно...

Моя мать была из российского дворянского рода. Младше отца на двадцать лет, такая юная, мечтательная барышня. «Тургеневская» – кажется, так их в шутку называли. Благодаря ей, я до пяти лет верил в ангелочков и доброго Боженьку. Да, меня крестили в православной традиции: мой отец был убежденным атеистом и ему, по большому счету, было все равно, какой блажью я переболею в детстве. Так или иначе, считал он, жизнь эту дурь из меня выбьет. И оказался прав.

Моя мать отличалась слабым здоровьем, а однажды слегла со страшной пневмонией. Она мучилась две недели, а меня к ней пустили только в самую последнюю ночь, когда поняли, что она угасает. Меня подняли с постели, привели к ней... Она меня едва узнала и только коснулась моей головы, слабо улыбнулась. А затем началась агония – она металась в кровати, рыдала, звала то отца, то меня, хотя мы были рядом. Меня увели в мою комнату, но оставили без присмотра, и я тайком пробрался обратно, проскользнул в спальню матери.

Послали за священником, но час был поздний, а единственный православный приход находился на другом конце отрога. Маме делалось хуже, ее мучила страшная боль, она задыхалась...

Тогда отец пошел в дом напротив, где жило почтенное семейство выходцев из Индии. Дядюшка главы этого семейства, древний старец, слыл удивительной силы гипнотизером. Отец надеялся хотя бы с помощью его искусства унять страдания любимой женщины. Этого индийского колдуна привели. Сухой, как мумия, одетый в странную, яркую хламиду, вошел он в комнату и склонился над постелью матери. Та даже не успела понять, что происходит. Несколько быстрых движений, пассов руками, утробный шепот – и она оцепенела, а затем погрузилась в забытие. Боль, если и осталась, то уже была над ней не властна.

Старик продолжал что-то бормотать, а мама во сне блаженно улыбалась. Так она и пролежала до тех пор, пока не пришел священник. Когда он приблизился, мама приоткрыла глаза и сказала, что она только что видела Рай, Господа, и что ангел Его сошел с небес и утешал ее. А сейчас она вернулась только проститься...

Сначала я обрадовался, решив, что все это правда. В вечер после похорон я упрашивал отца рассказать, где же теперь мама, что она делает в Раю и когда же я отправлюсь к ней. Отец то смотрел на меня, как на чумного, то говорил, что не знает. Я не унимался и тогда он рассвирепел. Он стал кричать на меня, говорить, что никакого Рая нет. «И разве похож этот старый индус на ангела, а?» – спрашивал он меня. Я, конечно, разревелся, нянька уволокла меня в детскую.

Вначале я страшно злился на отца, но прошел год-другой, и я стал злиться на мать – за ту ложь, которая заставила меня так долго и бессмысленно мучиться. Я перестал носить крест – просто оставил его в фамильном колумбарии, в ячейке, где стояла урна с прахом матери.

Со временем я переосмыслил то, что увидел в ее спальне в ту ночь. Все большее презрение вызывали у меня эти мечты о райских куцах. И все больше завораживала мысль о могуществе человека, способного управлять чужим разумом. Годам к двенадцати эта идея захватила меня не на шутку. Индийский колдун, избавивший от страданий мою мать, был уже давно мертв, а его родственники даже не пожелали говорить со мною на эту тему. Впрочем, сомневаюсь, что хоть кто-то из них владел толикой его мастерства.

На мое счастье, на наш отрог приехал некто доктор Кельвин, психиатр. Он прекрасно владел гипнозом и за несколько излишнее и неоправданное его использование был выслан из Вавилона. К нам он приехал искать должности простого управляющего на завод.

Он долго не соглашался обучать меня – боялся вновь ввязаться в темную историю, боялся последствий, тем более, что работал на моего отца. Но затем, когда все же решился, он не пожалел. У меня обнаружился природный дар, и я оказался очень способным учеником. К шестнадцати годам я уже освоил основы, мог погрузить человека в сон, убедить в чем-то просто в ходе разговора. Мы продолжали занятия, и еще через два года я сравнялся с учителем. Я жаждал оттачивать свое мастерство, достичь того уровня, при котором я мог бы заставить человека увидеть Рай. Или Ад.

В тот год меня впервые привезли в Вавилон – я приехал с дядей и двумя его сыновьями.

Я оказался относительно свободен и был готов проверить свои силы. В первый же вечер я спустился в Нижний город. Не прошло и пяти минут, как ко мне подошла девушка и предложила провести с ней время. Она была не слишком обольстительна: немногим старше меня, но уже измотанная жизнью, уставшая. Я сказал, что меня не интересует подобный досуг в обычном его понимании, но обещал не прикасаться к ней и щедро заплатить. Она нисколько не удивилась и сказала следовать за ней.

Все, что я видел дальше, напоминало кошмар. Я никогда прежде не сталкивался с такой нищетой и ничтожеством. Это была не беднота, а безысходное убожество.

Девушка провела меня на чердак одного из домов на этой же улице – там находилась ее комнатуха. Дорогой мы миновали несколько проходных комнат. В одной лежал какой-то пьяный человек, в другой на большой кровати спали дети (пятеро или шестеро), в третьей у тусклой свечи штопала тряпье старуха. Девушка, за которой я шел, поздоровалась с ней, а та закивала в ответ. Помню, это произвело на меня жуткое впечатление – это значило, что такой заработок, такая жизнь, была естественна для этих людей, нормальна.

Наконец, мы пришли в комнату девушки – маленькую, с единственным узким окошком, прорубленным прямо в крыше. А мне все еще казалось, что это какая-то гротескная декорация, что так не могут жить люди.

Девушка сняла шляпку и накидку и села на кровать. Смотря на меня безразличными, пустыми глазами, она спросила, чего я хочу, что ей надо делать. Я отвечал, что сейчас начну говорить, а она должна будет внимательно меня слушать. Я сел с ней рядом... О, как я волновался! Наверное, собирайся я с ней переспать, волновался бы не так сильно.

А оказалось все до боли просто. Ее разум не сопротивлялся, она будто бы хотела отрешиться от всей своей жизни. Она послушно рассказывала то, что я просил рассказать, забывала то, что я велел ей забыть, охотно подтверждала то, что я внушал ей. Затем я приказал ей очнуться, вернуться сюда. Она повалилась на кровать в полубморочном состоянии, а спустя минуту спросила, где она и что происходит. Я ответил ей лишь, что она у себя дома, расплатился и ушел.

Никто не обратил на меня внимания – ни старуха, ни дети, ни, тем более, пьяница.

Когда я вернулся в гостиницу, дядя, разумеется, отчитал меня и спросил, где я был так долго. Я ответил, что заблудился в Вавилоне.

Затем мы ужинали в ресторане нашего отеля. Ростбиф, столовое серебро, сонный попугай в клетке в углу – ресторан, как ресторан. Но я смотрел глазами жителей Нижнего города, и до чего же все это казалось бессмысленным!

Один из моих двоюродных братьев не доел свой ужин и отдал обратно официанту половину пустую тарелку. А этих остатков хватило бы на целый ужин для любого бедняка!

Вокруг творилось пиршество абсурда! Надкушенный и оставленный хлеб, бутылка дорогого вина, выпитая на треть, множество заказанных и не съеденных блюд. Все вокруг жрали, жрали и не могли пресытиться! И это только в одном, не самом роскошном ресторане. Но что же, воображал я, творится по всему Вавилону. Какая же это корка румян на гнойной опухоли!..

И тогда я понял, что в мироздании все же есть смысл – как в хорошо отлаженной машине. Я понял, что если отыскать нужные рычаги, то можно заставить эту машину работать правильно. Как там говорится – дайте мне точку опоры, и я переверну мир? В сущности, мир перевернуть действительно очень легко, только пока это удалось лишь галилейскому плотнику.

А я... Вероятно, все-таки оказался не в своем месте, не в свое время. Не верю, что я просто лишняя деталь.

17. Ужин

– Вальтер Корф! Суд принял в отношении вас беспрецедентное решение. Вам будет дан шанс послужить процветанию общества, которое вы хотели уничтожить. Вы поступаете в полное распоряжение Вавилонской Академии наук, где ваше тело при жизни и посмертно будет использовано во благо науки. Решение суда окончательное и обжалованию не подлежит. Да помилует вас Бог и да простят вас люди...

После суда Хэзер поспешила вернуться домой и, наверное, час просидела в горячей ванне.

– Не нужно вам было ходить туда, госпожа, – ворчала Агнесс, помогая ей затем одеваться.

– Почему ты так думаешь?

– Вы же сама не своя! Такая бледная, даже после ванной. Ох, вообще, все суды, аресты, все эти ужасы – это мужское дело. Страшно было?

– Не страшнее, чем в Храме Сераписа. Но все равно жутко.

– Слышала, что этого мерзавца отдают на опыты. И поделом ему – поделом!

– Кстати, я давно не слышала подобных приговоров. Думала, такая судебная практика давно сошла на нет.

– Что вы! Почти каждый день кого-нибудь туда отправляют.

– Правда?

– Да-да. Только все больше из Нижнего города. И правильно этой собаке досталось! Как там господин Дурново говорил – со свиным рылом в калашный ряд не лезут. А что такое «калашный ряд», госпожа?

– Не знаю, Агнесс. Думаю только, что в Вавилоне их нет...

Тем же вечером Хэзер отправилась в Гранд Опера. На этот раз не одна, а с упитанным промышленником Мартенсоном. Он, видимо, решил ее удивить и порадовать и взял билеты на «Травиату» Верди.

Хэзер эту оперу ненавидела, но приходилось терпеть и мило улыбаться галантному старичку. Не меняя грациозной, чуть кокетливой позы, она высидела весь спектакль.

Затем предстоял ужин в ресторане, в отдельном кабинете.

Обстановка там была поистине шикарная. Кабинет, обитый темно-вишневым бархатом, был освещен несколькими хрустальными светильниками на стенах и столе – умеренно-яркими, оставляющими не полумрак, но словно бы романтическую дымку.

На ужин подали дары моря – роскошь исключительная и зачастую непозволительная в Альфа-Вавилоне. Даже претор редко баловался подобными деликатесами. А тут ждало целое ассорти из креветок, устриц, кусочков шупалец осьминога и кальмара, и полупрозрачных нарезок подкопченной рыбы.

– Боже... – выдохнула Хэзер (она на самом деле удивилась). – Как?..

– Все – для самой прекрасной дамы Вавилона, – отвечал Мартенсон, помогая ей сесть за стол. – Прошу.

Хэзер оглядела раскинувшееся перед ней на многоступенчатом блюде рыбное изобилие. Начать она решила с тунца. На нем и закончить – ко всем прочим гадам она относилась с опаской.

А вот Мартенсон уплетал их с отменным аппетитом. Особенно рьяно уничтожал устриц. Блики от отделанных хрусталем подсвечников мерцали на его очках и лысине. Время от времени он переставал жевать, промакивал губы салфеткой и улыбался Хэзер.

Когда ужин был в самом разгаре, вдруг вошел официант и сообщил, что господина Мартенсона срочно зовут к телефонному аппарату. Он извинился перед дамой и спешно вышел. Хэзер любезно улыбнулась ему вслед и впервые за вечер расслабленно откинулась на спинку стула.

Комнату наполнял стущающийся запах рыбы и ароматических декоративных свечей. Надо же, и на это не поспешил!

Когда Мартенсон вернулся, он был хмур и явно чем-то раздосадован.

– Мисс Эйл, – проговорил он, подходя, но не сядясь обратно. – Прошу у вас прощения, но я, очевидно, вынужден буду вас покинуть. На одной из моих фабрик только что произошло чрезвычайное происшествие. Беспорядки по совершенно абсурдной, говоря по совести, причине. Но все это требует моего присутствия. Возможно ли перенести нашу встречу на другой день?

– О, разумеется, я все понимаю, – сочувственно отозвалась Хэзер. – Но вы ведь помните, что завтра я покидаю Вавилон на две недели?

– Да. Но, надеюсь, что по истечении этого срока мы с вами увидимся.

– Конечно, господин Мартенсон! Вы – первый в моем списке.

Он поцеловал протянутую ему ручку и удалился.

Хэзер еще некоторое время посидела в кабинете в одиночестве. Затем она взяла кусочек лимона с тарелки, выдавила несколько капель на тыльную сторону ладони и протерла салфеткой.

Агнесс несказанно удивилась, когда молодая госпожа явилась домой ровно в полночь – чересчур рано.

– Что-то стряслось? – испуганно спросила она.

– Да, – отвечала Хэзер, зевая. – На одной из его фабрик беспорядки.

– Ох!.. А что случилось?

– Не знаю, Агнесс, не знаю. Во сколько ты встаешь завтра?

– Как всегда, госпожа, в половине шестого.

– Разбуди и меня тоже.

– Так рано?!

– Да. У меня с утра будет важное дело.

18. Яблоко

Охранник в нерешительности подошел к решетке, за которой Вальтер Корф только-только приступил к своему последнему завтраку.

– Господин Корф, к вам посетитель. Дама.

Тот, похоже, немного удивился, но ничего не сказал, а только взмахнул рукой, как бы веля вести даму сюда.

Увидев через мгновение Хэзер Эйл, Вальтер замер. Она села на принесенный охранником стул, и следующие несколько секунд они просто смотрели друг на друга через решетку.

Перед Корфом на жестяном столе стояли тарелка с горой оладий и плошка со сметаной. Ел он без каких-либо столовых приборов, руками, лишь закатав до локтей рукава.

Странно это выглядело – словно Мефистофель решил покормить уток на берегу пруда.

– Последняя трапеза? – участливо поинтересовалась Хэзер.

– Угу, – кивнул Вальтер, закидывая в рот кусок, который так и держал в руке с момента ее появления.

– Выбрали для нее оладьи?

– С яблоками! Мне такие мама в детстве готовила. Надо же, сделали, как я просил.

– Как?

– Яблоки не протерли, а порезали. Так получается вкуснее. Пробовали когда-нибудь?

Хэзер покачала головой. Тогда Вальтер взял с тарелки очередной кусок, обмакнул его в сметану, а затем встал и подошел к самой решетке. Хэзер вначале решила, что он шутит, протягивая ей сквозь прутья яблочный оладушек.

– Кусайте, пока угощаю, – вздохнул Вальтер. – Сами же сказали, что не пробовали.

Хэзер, не вполне веря, что она это делает, наклонилась чуть вперед и откусила край оладьи – теплый, в холодной сметане. Кусочек яблока ей тоже попался, и, едва она почувствовала его на языке, ей мгновенно представился весь плод целиком – золотисто-румяный, небольшой, но очень сладкий.

– Спасибо, – поблагодарила Хэзер. «Вероятно, я нахожусь под действием гипноза, – подумалось ей. – Но рецепт нужно взять на заметку».

Вальтер сел обратно за стол.

– Итак, что же вам надо? Вы же не объедать меня пришли?

– Не знаю, почему, но я решила взглянуть на вас до того, как вы послужите развитию общества. Тогда, на суде вы были так спокойны. Мне не верилось – и до сих пор не верится – что вы смогли бы меня убить. И за что? Для чего?..

– Понимаете ли, мадемуазель, ничто так не спланирует людей, как участие в общем темном и неприглядном деле.

– Круговая порука?

– Только и всего.

– И меня бы здесь не было... А скажите, если все так просто, то зачем нужны были все эти церемонии? Этот храм, дымящийся бык, потоки крови...

– А! – Вальтер усмехнулся. – Кровь объясняется очень банально. Вы два дня провели в запертой комнате, порядком измучились, помялись, растрепались. Убеждать вас причесаться, переодеться, привести себя в порядок было бы бессмысленно. Ну не поливать же просто мыльной водой! А с кровью получилось эффектно, мрачно.

– И вы не постеснялись бы затем при всех?.. Ну, прежде чем убить меня...

– Нет, не постеснялся бы. Кстати, позвольте спросить и вас, мадемуазель?

Хэзер пожала плечами.

– Спрашивайте, раз я здесь.

– Вы – уроженка Верхнего города. Не думаю, что нужда толкнула вас на путь порока. Так зачем?

Хэзер подумала, что зря пришла и, что, верно, стоит уйти, пока не поздно. Однако она не сделала даже попытки подняться со стула, а спустя несколько мгновений заговорила.

– Да, я из Вавилона, но из самой нижней его прослойки. Моя мать была швеей, и я бы стала швеей, едва выйдя из приюта. Но у меня перед глазами был пример в виде тетушки Люси. Она была куртизанкой. Когда я видела ее, мне до смерти хотелось стать такой, как она – красивой, уверенной в себе и в жизни. Свободной!

– И она, ваша тетушка, взялась обучать вас ремеслу?

– Не так просто. Когда я впервые сказала ей о том, кем хочу стать, она заплакала. Я тогда впервые увидела, как она плачет. Но, видно, она сама не хотела для меня нищенской жизни.

– А у вас самой есть дети?

– Нет. А у вас?

– Нет. И уже не будет.

– Кто знает. Может, вас не всю жизнь подержат в Академии, помилуют лет через десять. Вальтер махнул рукой.

– Живым меня оттуда не выпустят. Вчера вечером приходил тот врач, в чей проект меня направляют. Говорил со мной, осматривал. Пришел к выводу, что я не в себе...

– К этому выводу пришла половина Вавилона. А в какой проект вас направляют?

– Представления не имею. Не сказали. Но пообещали, что если эксперимент выйдет неудачным, мой мозг будут долго изучать. Может даже выяснят, что с ним не так. Жаль только, я не узнаю...

– А если эксперимент будет удачным?

– Я, скорее всего, и этого не узнаю.

– О чем вы сейчас думаете, господин Корф? Вам страшно?

– Страшно? Нет. Хотя, вероятно, я еще успею испугаться. Я знаю, что вечером войду в Академию наук и никогда больше оттуда не выйду. Мне и горько... и спокойно. Я знаю, что меня ждет. Нюансы их исследований не столь уж важны. Только бы не возились слишком долго.

Тут к ним вновь подошел охранник.

– Время вышло, мисс. Вас проводят обратно.

– Всего доброго, – кивнул Вальтер, глядя на нее сквозь прутья решетки.

– Благодарю за угощение, – кивнула Хэзер, вставая и расправляя складки на юбке и жакете. – Прощайте, господин Корф.

19. Храм науки

Все началось, как обычный прием у врача, только опрос обо всех прошлых болезнях и образе жизни был подробнее и дотошнее. И вправду, куда теперь было спешить?..

В итоге врачи пришли к выводу, что им крайне повезло – такой экземпляр попал в их заботливые, профессиональные руки! Раньше они имели дело только с оголодавшей, толстокожей чернью. Теперь же они и не представляли, с какой стороны подступиться к этому жителю Верхнего мира. Дав подопытному небольшую передышку между взятием проб крови и проверкой на переносимость некоторых сильнодействующих препаратов, медицинские светила решали, в каком же именно эксперименте разумнее и полезнее будет его использовать.

Вальтер, уже переодетый в больничные штаны и рубашку, сидел в кресле, к которому был привязан кожаными ремнями. Стены в просторной смотровой были белоснежны, а окна затянуты тонкой решеткой.

То ли оттого, что из него выкачали небольшую батарею пробирок крови, то ли просто от усталости, он впал в странную, не свойственную ему апатию. Дверь в кабинет, где совещались врачи, была приоткрыта, отголоски их негромкого разговора иногда долетали до него, но он не делал попытки напрячь слух. Какая разница? Все равно решат, все равно сделают... *Только бы не возились слишком долго.*

Наконец, доктора пришли к единому мнению. Ассистенты тут же стали колдовать над ним. Вальтеру сделали несколько уколов, от которых его тело совсем ослабло, а разум помутился – он то погружался в сон, более похожий на обморок, то просыпался и даже успевал понять, что происходит.

– Почему он в сознании?

– Не понимаю. Вероятно, сильная сопротивляемость препарату.

– Думаю, не стоит волноваться. Он все равно бездвижен. Пусть ассистенты приступают к дальнейшей проверке.

Вальтера уложили на холодный стол, и несколько игл вонзилось в его правую руку. Из каждой под его кожу вытекло по капле жгучей жидкости, и плоть отозвалась на это такой болью, что тело содрогнулось само по себе.

– Превосходно, – деловитым тоном отметил кто-то прямо над его головой.

Его оставили на какое-то время, измерили пульс, давление, а затем вновь сцедили большой шприц крови.

От всей той дряни, что бродила в его крови, и просто от усталости Вальтер готов был уснуть. В какой-то момент в его утомленном сознании мелькнула обиженная мысль – «почему они не дают мне спать?».

...Его куда-то везли. Колеса каталки гремели по кафельному полу. Нет, быстро все это не закончится.

Коридоры, лифт, вновь коридоры. В Академии, опустевшей с наступлением ночи, было тихо, так что лязг и шаги отдавались звонким эхом. Люди отсюда ушли, а когда вернутся... он об этом уже не узнает. А они не узнают, что он был здесь.

Вальтер невесело усмехнулся.

– Похоже, приходит в сознание, – тут же сообщил один из тех, кто его вез, другому.

– Ничего страшного. Мы уже на месте.

Они остановились в просторном, светлом помещении. То была какая-то лаборатория или процедурная, залитая ярким электрическим светом. За стеклянным потолком скорее угадывались, чем были видны, матовые тучи вперемежку со смогом, в которых ворочалась бледная луна.

Вальтера перетащили на широкий, обтянутый клеенкой стол, и пристегнули к нему кожными ремнями. Лежа так и приходя в себя, он видел, как ходят вокруг врачи, как подкатывают ближе столик с медицинскими препаратами и блестящими, чистенькими шприцами, а вслед за этим —какой-то агрегат, размером с небольшой чемодан, увитый проводами.

– Зажарить меня хотите? – поинтересовался Вальтер, обретший, наконец, дар речи.

Доктора не отвечали, зато прямо над ним раздался знакомый голос:

– Я бы тебя зажарил.

Вальтер поднял взор и с удивлением узрел Кристофера МакКлелана.

– Добрый вечер, претор.

– А вы оптимист, господин Корф.

– Что поделаешь! Но какими же судьбами?..

– Решил напоследок – пока вы еще в живых и в состоянии разговаривать – перекинуться с вами парой слов.

– Как это мило. А до объявления приговора ко мне редко просто так заходили гости.

– Ты лгал в зале суда, Корф. А мне нужна правда.

– Думаете, я разоткровенничаюсь на смертном одре?

Претор склонился чуть ниже.

– А это зависит только от тебя – станет ли этот стол твоим смертным одром. У меня есть право вето на решения суда, касающиеся политических заключенных. Могу даже предложить тебе выбор – пожизненное заключение или двадцать лет каторги на твоём родном Промышленном отроге, – тут МакКлелан на мгновение поднял голову. – Мистер Тэтч, – позвал он, – согласно вашим расчетам, вы закончите с ним к утру?

Доктор, проверявший вместе с ассистентом готовность блестящего агрегата, отвлекся и растерянно улыбнулся:

– О, боюсь, что нет.

– Будут работать сверхурочно и все ради вас, господин Корф. Думаю, они сильно расстроились бы, исчезни ты сейчас, в самый разгар действия. Расстроились, но пережили бы.

– И что же вы желаете узнать?

– «Голос Эдварда МакКлелана» – где он?

Вальтер рассмеялся.

– Дался вам «Голос МакКлелана»! Надиктуйте сами, в конце концов.

– Корф! У тебя есть последний шанс избежать участи подопытного кролика. То, что с тобой сделают, на мой взгляд, слишком – чересчур! – мягкое наказание для такого садиста, как ты. Но тебе хватит, поверь мне. Я знаю, что валики с записью были у тебя. Ты их слушал? О чем там идет речь? Где они теперь?

– Как вы печетесь о последних словах своего дедушки. А вам не плевать на то, что инженеры изрядно поменяли его изначальные планы уже при строительстве?

– Как и при любой стройке, в Вавилон пришлось внести некоторые изменения. Об этом, что же, и идет речь на тех валиках?

– Нет, претор. Просто к слову пришлось. А где валики, я не знаю. Честно! Я их так и не увидел. Спросите Джейсона, в конце концов! Он ведь теперь пай-мальчик, – Вальтер искривил рот в ухмылке, сдерживая оскал. – Берегитесь его, Кристофер.

Претор отступил от стола, с презрением глядя на связанного жреца Сераписа. Вальтер уже не смотрел на него, а просто лежал, устало прикрыв глаза.

– Начинайте, доктор, – бросил МакКлелан.

Он отошел к самым дверям, но выходить не спешил. Он оглянулся и какое-то время смотрел на начинающееся действие.

Корфа опутывали проводами с длинными иглами на концах, вкалывали один за другим новые препараты. Рубаху просто разрезали, а одну из игл ввели под грудину, казалось, к самому сердцу.

– Доктор, вводить обезболивающее? – спросил один из ассистентов.

– Нет-нет! Нам нужно, насколько возможно, знать динамику всего процесса.

Тут доктор подошел к еще одному человеку, который сидел в углу, до этой секунды совершенно неприметно. Сжавшийся в громоздком инвалидном кресле, будто бы вросший в него, он напоминал оплавленную восковую фигуру – дефектную и гротескную.

Доктор, похоже, о чем-то посоветовался с ним, склонившись к самому лицу, в котором не хватало нескольких кусков плоти, а затем вернулся к столу с Вальтером.

Еще один ассистент вошел в лабораторию через двери с противоположной стороны. За его спиной, прежде чем сомкнулись створки, претор заметил полутемное помещение, полное горячих, белесых паров, а за ними – что-то громадное, блестящее, выпуклое, похожее на котел.

Решив, что определенно не хочет видеть дальнейшего развития событий, претор вышел прочь. Ожидавший за дверью охранник смиренно и молчаливо последовал за хозяином. Уже когда они подходили к концу коридора, до них донесся крик Вальтера Корфа.

20. Рассвет

Легко и быстро поезд несся вперед. Из-за темноты тоннеля иногда даже трудно было понять, что он вообще движется, а не стоит на месте.

Хэзер долго дремала в широкой, теплой кровати, всем телом прислушиваясь к мерному гулу. Окончательно проснувшись, она набросила халат и вышла из-за высокой ширмы отделившей спальную часть вагона от кабинетной.

Претор сидел за столом над ворохом документов, но смотрел не на них, а в черное окно.

– Скоро мы выедем на поверхность? – спросила Хэзер. – Все же не по себе ползти так, под землей.

– Мы очень высоко над землей, – напомнил претор. – Но на уровне поверхности Вавилона мы окажемся примерно через четверть часа. Прости, что не смогу провести с тобой все две недели.

– Ничего. Я рада и трем дням. А то место, куда мы едем, действительно настоящий Эдем?

– Оно именно так и называется. Очень тихое, живописное место. О нем знают лишь немногие, так что лучше не рассказывай о нем никому в Вавилоне.

– Эдем в Вавилоне! – мечтательно проговорила Хэзер, подходя к МакКлелану и кладя руки ему на плечи. – Какой красивый анахронизм. А яблони там есть?

– Конечно. И даже плодоносят дважды в год.

– И цветут... – продолжила Хэзер одними губами.

Вскоре действительно впереди забрезжил свет – вначале он просто будто бы обволакивал короткую гусеницу поезда претора, а затем озарил ее целиком. Поезд мчался к рассвету.

В самом Вавилоне было еще сумрачно – громоздкие здания жались одно к другому, отнимая у соседей клочки солнечного света.

Джейсон не спал всю ночь, хотя, мог бы почитать сном праведника – таковым его и представляли все газеты, таблоиды, все сплетни Вавилона. Несчастный, невинный, голубоглазый принц, чей разум был смущен змеем-искусителем. Что ж, в данный момент его разум действительно был смущен – он не знал, что именно делать дальше.

Он заверял Лефроя и Грево, что представления не имел о политической подоплеке Ложи Сераписа. Чушь! Конечно же, имел.

Он клялся, что готов отречься от всех идей Ложи, что готов предать Вальтера Корфа. И на самом деле предал.

Он раз за разом повторял, что не знает, существует ли вообще «Голос Эдварда МакКлелана»...

Без четверти шесть Джейсон поднялся с кровати и через пустой дом прошел в другое его крыло, в отцовский кабинет. Он без труда открыл дверь своим дубликатом ключа (о существовании которого отец, разумеется, никогда не знал), а после заперся изнутри. Он встал на колени перед огромным старинным письменным столом и коснулся изящной резьбы, украшавшей его стенки. Один из виноградных листьев под самой сенью столешницы был особым. Стоило надавить на два его кончика, а затем сдвинуть с места, дощечка рядом с ним открывалась, словно дверца. За ней находилась полость глубиной в локоть.

Джейсон нашел этот тайник в восемь лет и до сих пор удивлялся, как отец его не обнаружил. Юный МакКлелан прятал туда самые сокровенные, не предназначенные ни для чьих глаз вещи: вначале это была первая пачка дорогих сигарет, затем фотокарточка и письма одной юной, но уже замужней особы. А потом – переписка с некоторыми министрами и влиятель-

ными людьми города, в которой они с опаской и втихаря, но огрызались на его отца, правящего претора...

Теперь же он извлек из тайника два тяжелых свертка, перетянутых бечевкой, взвесил их на ладонях. И положил обратно.

Теперь Вальтера можно считать похороненным заживо, все рыцари Ложи в тюрьме или сосланы, а передавать валики кому-либо Джейсон не собирался.

Правда, он не знал, что ему самому делать с этими записями. Он решил ждать – ждать того часа, когда такой Джокер пригодится и сможет сыграть важную роль в истории великого города...

Книга 2. Зверь об одной голове

И так многие двери оказались замурованы, на долгие мили не стало пути
наверх.

Там, в глубине, теперь все сделано так, чтобы держать людей, как скот.
Что сотворили с моим детищем?

*Из откровения Эдварда МакКлелана, создателя Нового Вавилона
(Записано фонографически. Валик 2; дорожка 5)*

1. В гостях у старушки

Хрум-хрум-хрум-хрум...

Впервые за долгие-долгие годы такой громкий и неестественный звук потревожил затянутое душными туманами пепелище. Громадный, пузатый паук, размером с небольшой домик, полз по бывшему полю брани. В брюхе «паука» сидели люди – они то и дело тянули за рычаги, поворачивали вентили, заставляя «паука» то бежать быстрее, то приостанавливаться, то поворачивать. Но главное, что интересовало людей, это окружающий мир – его они разглядывали во все глаза сквозь прозрачные стенки стеклянного брюха.

Людей было трое – лорд Джереми Блейк, его верный валет и блестящий механик Брукс, а также приятель и единомышленник лорда русский дворянин Николай Дурново.

Они покинули Альфа-Вавилон, чтобы в течение нескольких дней вариться в тесном брюхе паука, шагающего по землям старушки Европы.

– Поразительно! – выдохнул, едва обретя дар речи, Николай. – Никакие фотографии не сравнятся...

– О, мой друг, мы с вами сами сделали такие снимки, от которых весь Вавилон будет в восторге, – пообещал Джереми Блейк. – Брукс, поддай-ка пару!

– Слушаюсь, сэр! – радостно отозвался Брукс и потянул за один из рычагов.

В самом нутре паука что-то заклокотало, и он бодрее понесся вперед.

Вавилон они покинули ровно в 7.30 утра, но лишь к вечеру, наконец, вырвались из-под его сени. Теперь он был не над ними – он остался позади. Николай даже испугался в тот момент, когда впервые обернулся назад.

Все, что он знал, осталось там, в Элизиуме наверху. А эта костлявая, закоптелая машина, затмевающая собой небо, такое теперь далекое, была чужой, совсем непонятной. Лес ржавых мачт, похожих на остовы виселиц, а среди этих косточек – гигантские столбы-шахты, пронзающие и Альфа-Вавилон, и Землю.

Последний такой столб, увиденный ими, был давно заброшен и почти насквозь проржавел.

«Неприменно сообщить инженерам, когда вернемся! – отметил Николай. – Нельзя это так оставлять». И лишь затем он вспомнил, что нет в этом деле никакой срочности – одна колонна для такого колосса это лишь винтик.

Итак, они оставили Альфа-Вавилон позади и двигались теперь на Север по пустошам, некогда бывшим полями сражений, по высохшим ядовитым болотам.

На следующий день в три часа пополудни они вошли в пустой Париж. Остановившись на одной из его площадей, «паук» затих – впервые после отбытия. Тогда люди услышали ветер.

В Вавилоне, с его заслонками, барьерами, вентиляцией, ветер метался лишь по самой окраине, да и там вел себя неприметно. Но здесь...

Да, если бы Земля была жива, то прохожие должны были бы предусмотрительно придержать свои шляпы. Облака мелкой пыли неслись мимо вездехода, как привидения. В стенах полуразрушенных домов, в узких улочках слышался тихий, угасающий стон.

– Ветер воет! – восторженно прошептал Николай.

– Так пойдем, встретимся с ним! – предложил Джереми.

Все трое перебрались из своих кресел в верхний отсек, тесный и служивший одновременно и кладовкой, и спальней, и столовой. В центре отсека стоял небольшой круглый стол с тремя табуретками, а вокруг, изголовьями к стенам, находились три узких походных кро-

вати. Над ними на крючьях висели защитные костюмы для выхода на поверхность: длинные, прорезиненные двубортные плащи, фуражки с плотным, широким козырьком, очки-окуляры и респираторы.

Облачившись в эти латы новой эпохи, путешественники стали по одному выбираться в последний отсек (крохотный тамбур, где можно было уместиться только сидя) и лишь затем – наружу. Последним на спину «паука» вылез Брукс. С собой он притащил два саквояжа разного размера.

Откинув лестницу, люди спустились, наконец, на Землю. В первую секунду у Николая закружилась голова и похолодели ноги – ему не верилось, что под подошвами тяжелых ботинок не полая оболочка с сотами жилых этажей, а настоящая плоть небесной сферы.

«Земля... – подумалось Николаю. Он вдруг присел на корточки и погладил затянутой в перчатку рукой темный, пыльный булжик. – Мостовая Парижа... Возможно, никто не ступал по ней со времени Переселения. Или с ночи, когда все живое здесь, на берегах Сены оказалось выжжено германской авиацией...»

– Николас, друг мой! – окликнул его Джереми. – Идите же сюда – надо запечатлеть сей замечательный момент!

Николай подошел к нему и к Бруксу, который в эту минуту как раз открывал принесенные саквояжи. Из того, что был поменьше, он извлек, к изумлению Николая, бутыл шампанского и коробку с двумя бокалами.

– Шампанское?! Но мы ведь все равно не сможем... – Николай указал на свой респиратор. Джереми махнул рукой.

– Важен сам ритуал, а нам совершенно ни к чему дурманить свой разум алкоголем. Мы в Париже, друг мой – в Париже, чёрт побери!

Тем временем, Брукс достал из второго саквояжа, побольше, фотокамеру, а с ней – набор сверхмощных ламп, недавно заменивших собою обычные пороховые вспышки. Хотя, хватало такой лампы на один снимок, зато получался он более четким. К тому же, лампы были незаменимы в условиях, где любая искра была нежелательна – например, во всё еще насыщенной ядовитыми газами атмосфере Земли.

Путешественники встали на фоне самого живописно разрушенного фасада на площади, и Брукс запечатлел на фотопластинах торжественное открытие бутылки шампанского, а затем – обоих господ с бокалами в руках.

Игристое вино они затем просто вылили на землю, – будто совершая ритуальное возливание предкам и богине Гее – а бокалы от души разбили вдребезги. Початую бутылку оставили на ступенях парадной.

Николай вышел на середину площади и еще раз огляделся кругом. В полуразрушенной мансарде одного из домов ему вдруг почудилось движение. Затаив дыхание, он протер окуляры очков и подошел ближе к дому, но движущимся объектом оказалась истерзанная ветром, грязная занавеска, каким-то чудом удержавшаяся на сломанной раме окна.

2. На берегу

Поджав лапы, «паук» отдыхал на берегу Ла-Манша. Наверное, в сотне метров от него дремал в тумане проржавевший остов гигантского танка-вездехода, будто Левиафан, выползший погреться на берегу.

Наступала последняя ночь перед возвращением в Альфа-Вавилон.

Породистый русский дворянин, истинный английский джентльмен и простой добряк-механик сидели за круглым столом в жилом отсеке вездехода и, вкушая скромный походный ужин, делились впечатлениями от проведенных на Земле дней. Джереми Блейк уже строил планы на будущее – как они усовершенствуют вездеход и в следующий раз переберутся через пролив на Альбион.

– Лелею мечту, – признавался он, – побывать в фамильном поместье. Увидеть настоящее, старинное кладбище, а не стеллажи с урнами.

Брукс закивал:

– Если в Англии такие же туманы, как мы видели тут, все кладбища сейчас выглядят краше прежнего.

Николаю вспомнились иллюстрации к готическим романам и пейзажи с покосившимися, замшелыми надгробиями. Старое кладбище, где век за веком находили покой представители одного древнего рода... Хотя, теперь вся Земля представляла собою колоссальное кладбище.

Николай даже вздрогнул. Вся Земля – это значит до последнего островка с тремя папуасами и одной пальмой.

Воевали Европа, Азия, Япония, за ними – Китай и Соединенные Штаты. Повоевали, потравились и, как тараканы, поползли на Альфа-Вавилон. А эти три папуаса – может, так и сидят вокруг своей пальмы? Разве что кашляют почаше. А что если?..

Тут Николаю пришла на ум и вовсе крамольная мысль – что если и тут еще кто-то живет? Да, казалось бы, все знают, что вода и воздух Европы отравлены. Но не могла же ненависть, разлившаяся по Северному полушарию, отравить всю оставшуюся Землю! Это ведь невозможно. Мир слишком велик, слишком сложен...

Что если кто-то сумел тут выжить, приспособиться? Или, положим, не прямо здесь, а в той же Австралии, на островах Океании, на Огненной Земле или в глухой тайге, в Сибири.

«Нет, полно! Полно! – одернул себя Николай. – Разве мы бы тогда о них не знали? Даже если бы власти и скрывали, то люди бы узнали рано или поздно».

Но как Николай ни успокаивал себя, навязчивая мысль о возможности жизни на Земле никак не шла у него из головы.

Спать ему уже совершенно не хотелось, и он с охотой согласился дежурить первым (каждую ночь они бодрствовали по очереди на случай возможных непредвиденных обстоятельств). Однако, стоило Джереми Блейку и Бруксу уснуть, Николай едва не пожалел о своем выборе: теперь его начало глотать желание взять да и проверить, выйти во внешний мир без защитного костюма.

Ко всему прочему, еще и крышка верхнего люка была проложена резиной, при желании ее можно было открыть практически бесшумно.

Надеясь отогнать странные, почти бредовые мысли, Николай стал прохаживаться вокруг стола, но, проходя мимо спящих спутников, видел, что сон их безмятежен и крепок.

Николай спустился в брюхо «паука» (А что такого? Он решил проверить, все ли в порядке в отсеке управления...). Первым ему попался на глаза наружный термометр: он показывал +18 по Цельсию. На берегу Ла-Манша стоял теплый вечер. Нет, преодолеть дьявольское наваждение было решительно невозможно! Николай вернулся в жилой отсек. Там он тихо достал из аптечки целое полотнище марли и смочил его водой из графина, гнездившегося в лунке

в центре стола. Затем отстегнул от фуражки и надел защитные очки. Эксперимент экспериментом, а рисковать зрением он не собирался.

Закончив приготовления и чувствуя себя совершенным безумцем, Николай взобрался по лесенке к самому люку и стал медленно поворачивать ручку клапана.

Перебравшись в тамбур, Николай закрыл за собой крышку люка и выждал с минуту. Наконец, стараясь не раздумывать, он приложил марлю к лицу и открыл верхний люк, ведущий наружу.

Тепло.

Так, что-то он позабыл.

Ах да, дышать!

Убедившись, что влажная марля плотно прилегает к лицу, Николай сделал вдох. Медленно выдохнул, а затем вдохнул. Да, теперь он ощущал горьковатый запах паров и пыли, но дышать мог! На радостях он попытался сделать неглубокий вдох без марли, но его горло тут же перехватило, а легкие сдавило приступом кашля. Снова прижав к лицу марлю, Николай немного отдышался и вернулся в вездеход. Тут же достал из шкафчика флягу с коньяком, нацедил половину ее серебряной крышечки и залпом выпил.

Его утомленные спутники спали и ничего не слышали. С одной стороны, хорошо, что никто не задавал вопросов, не говорил, какой он сумасшедший, но с другой – он остался один на один со своей безумной вылазкой.

3. Старые планы

Наутро, за завтраком Николай между делом поведал спутникам о своей вылазке.

– Осмелюсь спросить, сэр, в своем ли вы были уме? – покачал головой Брукс.

– В каком своем уме? – махнул рукой Джереми. – Он же русский! И все же, Николас, нельзя было так рисковать. Неужели ты плохо учился в школе и не запомнил, что воздух Земли – ядовит?

– Захотел проверить сам. И потом – мне показалось, что это я не вполне приспособлен...

– Бежавших с заводов рабочих очень скоро находят в пустынях под Вавилоном. И если верить патологоанатомам, умирают они довольно мучительной смертью. Но скажи мне, что было бы, если бы ты потерял сознание и остался лежать в тамбуре? Как бы мы с Бруксом смогли выбраться и забрать тебя?

Николай сник. Наконец-то до него дошел весь подлинный ужас его затеи. Как он мог так рисковать своей жизнью и безопасностью товарищей?

Однако Джереми продолжил:

– И все же, на приеме в честь нашего возвращения обязательно расскажи об этом. Такой опыт любопытен настолько же, насколько и безумен.

В последние часы их путешествия, когда казалось, что они уже почти были дома, вдруг произошло непредвиденное.

Пыльный холм, по которому взбирался «паук», оказался замеченной песком и прахом крышей какого-то ветхого строения. Крыша, разумеется, рухнула, и «паук» повалился на бок, окруженный взметнувшейся черной тучей. Раздался неприятный хруст и жалобное скрипение.

Через несколько минут, поняв, что сами они в порядке, путешественники решились вновь надеть защитные костюмы и выйти наружу. К общему ужасу, оказалось, что у «паука» сломана одна из шести его ног. Да и повалился он крайне неудачно – так, что без помощи подъемников или, по крайней мере, десятка крепких мужчин, вряд ли смог бы теперь подняться.

Какое-то время все трое стояли и с горечью и совершенным бессилием взирали на своего искалеченного монстра. Им ничего не оставалось, кроме как продолжить путь своим ходом. Конечно, о том чтобы в назначенный срок достичь нужного подъемника, не могло быть и речи – надо было хотя бы подняться на Вавилон до темноты. К счастью, они уже находились под жилой частью полиса, и главной целью становились поиски действующего подъемника, предназначенного для остановки на поверхности Земли.

С собой взяли только необходимое: фляги с водой, фонарь, карты и фотопластины в герметичном ящике.

– За остальным, может быть, вернемся в следующий раз, – вздохнул Джереми, запирая вездеход.

Судя по имевшимся у них сведениям, ближайший подходящий им подъемник находился более чем в десяти километрах от места аварии. Успеть надо было до заката, и мешкать не стоило, тем более что под Вавилоном и без того было сумрачно круглые сутки.

Николаю казалось, что они, как дети, идут по огромному чердаку – по ровному пыльному полу, на котором взрослые строители позабыли всяческие мусор и ветошь.

Цель своего пути они заметили задолго до того, как достигли ее. Подъемник с выходом на поверхность имелся при угольном заводе. Вентиляция завода была проведена не только вверх, но и вниз, под днище полиса: клубы пара и дыма, окрашенные отблесками пламени, манили лучше любого путеводного маяка.

Колонна подъемника была в обхвате шире древнего баобаба. Дверца, ведущая внутрь, проржавела и оказалась на треть занесена песком, из-за кромки бархана выглядывал тонко

вычеканенный герб Нового Вавилона, который использовался еще при стройке – грузы, отмеченные этим гербом, были неприкосновенны, их кража или порча карались с особой жестокостью. Две шестеренки – маленькая, прицепившаяся к большой, скрывающей в себе слившиеся, словно в поцелуе, лики Луны и Солнца – стали когда-то символами нового мира и новой жизни...

Снаружи открыть дверь, разумеется, было невозможно, так что Джереми поднял с земли крупный камень и стал ритмично стучать по стальной стене. Стук раздавался внутри колонны гулким эхом, и вскоре, будто в ответ на него, сверху послышался скрежет механизмов. Ошибки быть не могло – с Вавилона за ними спускались люди.

Наконец, скрежет прекратился – подъемник замер на уровне поверхности – и дверь открылась. Открылась, чтобы затем мгновенно захлопнуться, едва впустив троих путешественников.

Рабочие, пара здоровых ребят, смотрели на них, как на привидений, и в первые мгновения даже не знали, что сказать. Правда, то, что под респираторами оказались обычные человеческие лица, их немного успокоило.

– Я – лорд Джереми Блейк, – кратко представился Джереми. – Со мной мои спутники – Николай Дурново и Джонатан Брукс, мой механик. Мы совершали путешествие на вездеходе, но он, к сожалению, вышел из строя. Так что ваш подъемник – наш единственный путь домой. Благодарю вас, господа.

Рабочие, похоже, не поняли и половины того, что им сказали (в Нижнем городе, в отличие от Верхнего, народ все еще говорил на разных языках), но двух господ и их механика наверх отвезли. Вопросы задавать не решались.

Поднимаясь к пятнышку багрового света по темной шахте, Николай стянул с головы фуражку и вздохнул:

– Ну, почти дома.

Как оказалось, он жестоко ошибался.

Из одного завода они попали в другой, затем – в следующий. Тут Джереми Блейк впервые недоуменно тряхнул головой – судя по картам Вавилона, что имелись у него, здесь должны были начаться жилые кварталы рабочих. Но там, где по бумагам значилась зона отдыха с искусственной лужайкой, стояла закоптелая проходная.

– Ничего не понимаю. Точнее этих планов в Вавилоне нету! Почти полная копия планов Эдварда МакКлелана с внесенными им же корректировками.

Поскольку друзья лорда Блейка ждали их в совершенно ином месте, надо было, если не добраться до них как можно скорее, то хотя бы сообщить о сложившемся положении. Когда они отправились на поиски телефонного аппарата, на заводах начался пересменок – после дневной смены наступала ночная. Бесконечные коридоры, ведущие неведомо куда, наполнились невероятным количеством народа. Заплутавшим путешественникам не оставалось ничего другого, кроме как встать на высокий выступ у самой стены и ждать, пока людской поток иссякнет. А поток этот в какой-то момент показался вовсе бесконечным... Здесь, в Нижнем городе вообще было очень скудное освещение. Электрические лампы имелись только в нескольких виденных цехах, в основном же помещения освещались при помощи газа, а кое-где и вовсе – масляных фонарей. Здесь, в переходе добрая половина таких фонарей погасла или разбилась, уступив место привычной для рабочего люда темноте, и толпа людей двигалась однородной массой от одной светлой прорехи до другой. Затем все закончилось, и путники отправились на поиски управляющего хотя бы одного завода. Однако дальше надзирателей они пробиться не смогли, да и те, похоже, вовсе не понимали, с кем говорят, и чего странным господам надо.

Когда же они в третий раз наткнулись на крайне нелюбезного надзирателя, Николай понял – заблудились. Тут уже никакие карты и планы не могли помочь. Связи с Верхним горо-

дом у них не было, а точной дороги туда не знал ни один из окружавших их жителей подземелий – на слишком большой глубине они находились.

Наконец, когда время перевалило уже за полночь, они вышли к тоннелю, по которому пролежала железная дорога. На платформе толпились рабочие, ожидавшие поезда.

– Доберемся ли мы по этой дороге к выходу из Нижнего города? – поспешил спросить Джереми.

– Доберетесь, – отвечали рабочие. – Если до конца доедете.

Решив, что альтернативы все равно нет, путешественники сели в подошедший поезд вместе с рабочими. Скамьи были жесткими, вместо стекол в окнах – деревянные решетки, зато и проезд оказался бесплатным.

– Откровенно говоря, я чувствую себя бесконечно виноватым за то, что втянул вас в эту авантюру, друг мой, – признался Джереми, когда поезд тронулся.

Николай поморщился.

– Бросьте! Зато мы увидели поистине все сферы мира. Верно, Брукс?

Механик в ответ на это лишь передернул плечами и еще раз опасливо огляделся по сторонам. Он не разделял восторгов Николая и не видел ничего интересного в окружающей их экзотике.

4. Край

Проснулся Николай от яркого света. Вначале он решил, что просто видит следующий сон – поезд стоял у платформы, залитой солнечным светом. В вагоне, кроме него и его спутников, не оставалось никого.

– Что ж... Нам не соврали хотя бы насчет того, что из Нижнего города так можно выбраться, – слегка раздосадовано произнес Джереми Блейк.

– Где мы? – спросил Николай.

– Мы на краю Вавилона. Перед нами – промышленное полотно Транссибирского тоннеля. Зато отсюда мы можем выбраться наверх, к Транспортному узлу. Идемте, пока нас не повезли обратно в адское пекло.

Все трое вышли из вагона и, не успели они дойти до конца платформы, как поезд действительно дал задний ход и вновь скрылся в тоннеле. Пройдя по открытой галерее, состоявшей, казалось, из сплошной, скрученной в трубу решетки, нависавшей над земным смогом, усталые путники попали на средний уровень, в промышленное депо.

Тут все выглядело уже более привычно и пристойно – все-таки сюда время от времени спускались деловые люди из Верхнего города. Под уже ставшими привычными изумленными взглядами путешественники прошли в административное здание. Имевшийся в тамошнем холле (и в общем доступе!) телефонный аппарат показался им и божественным даром, и вершиной развития цивилизации. Никого не спрашивая, Джереми тут же кинулся к нему, сорвал трубку и принялся вызывать к телефонному узлу. Брукс, видя, что дела налаживаются, остался у дверей покурить вместе с компанией грузчиков.

Николай, таким образом, оказался в одиночестве. Он прошелся по холлу, разглядывая окружающую обстановку. Проходящим мимо него людям он просто улыбался – ну не объяснять же всем и каждому, кто он, откуда и почему так одет.

И вдруг ему улыбнулись в ответ. Вернее, даже не ему лично – он просто встретился взглядом с человеком, который так же, как и он, дежурно всем улыбался. Этим человеком оказался совсем молодой юноша в очень опрятном костюме, пальто и блестящем цилиндре. Он как раз выходил из дверей вокзального медицинского кабинета. На вид ему было не больше двадцати, нижняя губа то ли растрескалась, то ли была искутана совершенно по-детски, а на лбу у правого виска от брови до светлой шевелюры белел грубый шрам.

– Извините, мсье, – пролепетал юноша, едва не налетев на Николая. Все так же, с улыбкой, но теперь немного виноватой.

– О, право, ничего страшного! – ответил Николай. Он мог бы просто вежливо кивнуть, но, распознав в юноше жителя Верхнего города, отчего-то захотел завести с ним разговор. – Николай Дурново, – представился он.

– Чарльз Беккер, – с охотой представился юноша в ответ. – Но, позвольте спросить, какими же судьбами вы оказались здесь? Да еще в таком причудливом облачении.

– Боюсь, вы не поверите!

– Если расскажете, то, может быть, и поверю.

– Мы с друзьями спускались на поверхность Земли.

– Невероятно! Мсье, неужели вы не шутите?

– Нет. Сами в этом убедитесь, когда все газеты опубликуют наши снимки. Сделанные в Париже – *в Париже!* Представляете?

– Бог ты мой! Это, должно быть, было незабываемо.

– Ни на что не похоже. Ну а вы – что делаете на этом вокзале? Сопровождаете ценный груз?

– Нет. Я делал прививки некоторым рабочим. В Нижнем городе, знаете ли, столько различных заболеваний.

– Воображаю. Так вы – врач?

– Да. Ах нет, простите! Простите. Что я такое говорю? Я фельдшер! Я служу при вавилонской Академии наук. В общем-то, почти врач.

– Часто бываете в Нижнем городе с профессиональными визитами?

– Иногда. Когда во мне есть необходимость. А знаете, я ведь, кажется, о вас слышал...

– Да? Мир Альфа-Вавилона тесен, – развел Николай руками.

Тут к ним подошел невероятно довольный Джереми Блейк. Николай представил обоих друг другу и спросил, удалось ли сообщить об аварии и их нынешнем месте пребывания.

– Да, все улажено, – ответил Джереми. – Через каких-то полчаса за нами придут. А пока мне дьявольски хочется кофе. Мистер Беккер, где здесь буфет? Только не говорите, что его нет на этом вокзале!

Чарли рассмеялся и любезно объяснил, как пройти к буфету для начальства и гостей из Верхнего города. От предложения присоединиться он отказался, сославшись на неотложные дела, и, пожелав новым знакомым удачи, ушел.

5. Кружево и кровь

На третий день после возвращения в Вавилон, лорд Блейк запланировал торжественный прием с небольшой экспозицией: «Хроники путешествия по Европе». Публике должны были представить снимки, которые путешественники сделали за время пути. Хотели также похвастаться и вездеходом, но, коль скоро тот оказался утерян, пришлось довольствоваться экспериментальным образцом, рассчитанным на одного водителя и без жилого отсека.

Джереми Блейк и Брукс с головой ушли в подготовку. Николай помогал им по мере сил, но непосредственно накануне приема отправился на ужин к князьям Гагариным. Отказать этому семейству у него не было никакой возможности, ибо матушка его имела серьезные виды на брак племянника с младшей дочерью Гагариных – Машей. А Николай не имел ничего против ни этих видов, ни самой Маши. Вот перспектива союза с ее сестрой Ириной заставила бы его задуматься о принятии пострига. Красавица с лазоревыми глазами и коралловыми губками, Ирина Гагарина очаровывала новых друзей, но очень скоро теряла большую их часть.

– Скверная девка, – заметил как-то Николаю по секрету его дядюшка. И Николай не мог не согласиться.

Он в жизни не встречал более расчетливой и себялюбивой натуры, чем княжна Ирина. Ей многие прочили унылую долю старой девы, но ее саму такой исход либо вовсе не тревожил, либо не представлялся возможным.

Около полугода назад в доме Гагариных произошел скандал, так и не вышедший, правда, за его порог. Причиной стала, как всем и каждому было ясно, очередная любовная связь Ирины. С кем – так и осталось тайной. Зато довольно долго ходили слухи, что князь Дмитрий Аполлонович Гагарин, отец Ирины, готов был отречься от дочери и едва не проклял ее. Одному Богу известно, как супруга князя, Ольга Сергеевна, умолила тогда мужа простить Ирину. Та повинилась перед отцом, страсти улеглись, и какое-то время княжна вела себя вполне пристойно... Правда, в последние недели по салонам и страницам желтой прессы вновь поползли ядовитые слухи.

Но, коль скоро Николай не пал жертвой этого ясноглазого чудовища, присутствие Ирины на ужине его мало волновало. Главное, что там он увидится с Машей.

Николай позволил себе явиться с небольшим опозданием, подготовив оправдание, что он-де еще не привык к режиму Вавилона. Впрочем, объяснений у него никто не стал спрашивать – в доме князей Гагариных он считался уже практически зятем.

В трехэтажном особняке, перенесенном когда-то с одной из набережных Петербурга, было, как обычно, по-семейному шумно и уютно. Хозяйка дома, Ольга Сергеевна, первая встретила гостя, едва он вошел в просторную залу.

– Николай Константинович, вот и вы! Ох, как мы все переживали за вас – как вы там в этих дебрях, в этой пустыне! А эти кошмарные слухи о еще неразорвавшихся снарядах!..

– Ольга Сергеевна, к вам я бы выбрался из любых дебрей.

– Пойдемте же к остальным – все хотят посмотреть на героя, узнать подробности приключения из первых уст. Девочки, как всегда, задержались, вы уж простите их. Но они вот спустятся!

Ольга Сергеевна подвела гостя к Дмитрию Аполлоновичу, сидевшему в кресле возле камина. Он часто проводил вечера именно так – все друзья и близкие знали, что у старика больные ноги и он не может ходить по залам, привечая гостей. Так что изрядная часть их собиралась вокруг хозяина – выглядело это даже несколько торжественно, особенно учитывая, что князь был очень высок ростом, статен, а его худой лик с большими внимательными глазами казался сошедшим со старинных икон.

– Николай Константинович, – протянул он, увидав будущего зятя, и улыбнулся. – Ну, подойдите же, дорогой мой. А мне все про вас утром доложили!

– Кто же доложил? – искренне удивился Николай.

– Управляющий с моего завода сегодня телеграфировал. Его надзиратели, мол, известили, что трое странных личностей по округе блуждали и спрашивали выхода. Скажете, не вы с лордом Блейком и его лакеем то были?

Гости, стоящие вокруг, рассмеялись.

– Где ж он был, ваш администратор, когда мы там метались, как Данте с Вергилием? – вздохнул Николай, посмеявшись вместе с остальными.

Тут все гости в зале смолкли, насторожившись. Никто не мог понять, действительно ли сверху только что раздался полный ужаса женский крик. Быть может, им всего лишь померещилось?

Но второй крик, еще более отчаянный и громкий, развеял их сомнения.

Несколько человек из мужской прислуги, что была в залах, тут же бросились наверх. Николай с Ольгой Сергеевной поспешили следом.

– Ах, должно быть, это какая-то дурная шутка Ирины, – нервно пробормотала Ольга Сергеевна.

Николай, конечно, понимал, что она сама ни на грош не верит собственным словам. Ведь кричала явно Маша...

Но, стоило им подняться на второй этаж, как сама Маша бросилась к ним навстречу. Бледная, перепуганная, она лишилась чувств на руках у матери. Девушку сразу уложили на кушетку тут же, в коридоре. Убедившись, что с невестой все в порядке, Николай поспешил в комнату, из дверей которой та выбежала в таком ужасе – в комнату Ирины.

Николай остолбенел на пороге, увидав кровать, буквально залитую кровью. Кровавые следы и отметины были и повсюду в комнате – на коврах, на светлой обивке стен, на занавесках, колышущихся у распахнутой балконной двери. На маленький балкончик с низкими витыми перилами вышли прибежавшие на крики лакеи. Одного, самого юного, товарищи еле успели подхватить, прежде чем он упал в обморок – его ввели в комнату и усадили на табурет у окна. Другой лакей тут же побежал прочь, причитая: «Полицию! Полицию!»

Николай отступил, пропуская его, а сам поспешил к опустевшему балкону. Он не сразу осознал то, что увидел внизу, на гравиевой дорожке внутреннего двора.

– Что там? Что там?! – услышал он встревоженный голос Ольги Сергеевны.

Николай едва успел остановить ее на пороге балкона, не дав ей выйти – не дав увидеть, *что там!*

6. Новое дело Антуана Грево

Детективу Антуану Грево позвонили из Нового Скотленд-Ярда в начале первого часа ночи. И, хотя ему довольно часто звонили из Нового Скотленд-Ярда, и в эту ночь он все равно не спал (в кои-то веки сел за чтение свежих трудов по антропологии), он все же счел такой поздний звонок бестактностью. Но едва услышав, в чем дело, тут же позабыл о нормах этикета и собственном недовольстве.

Буквально через четверть часа он уже был в морге при Новом Скотленд-Ярде.

– Подробности! – воскликнул он. – Как это случилось? Свидетели?

Начальник полиции Лефрой и главный медик, мистер Сэлз, уже ожидали его подле так взбодоражившего всех трупа.

– Княжна Ирина Гагарина, – мистер Сэлз указал на несчастную покойницу в розовом вечернем платье. – Погибла сегодня, упав с балкона своей собственной комнаты в особняке Гагариных.

– Лицо обезображено не в результате падения, как я понимаю? – уточнил Грево на всякий случай.

– Нет. Незадолго до того.

– То есть она была еще жива?

– Да.

– Господь милосердный!

Грево подошел ближе, не вполне веря своим глазам. Лицо несчастной было изуродовано до неузнаваемости. Нос отсутствовал полностью – не только кожа и хрящи, но и мышцы, и ткани вокруг него, и даже центральная часть верхней губы. Жуткая гримаса обнажила аккуратные, белоснежные и такие бесполезные теперь зубки.

Грево быстро осмотрел ее руки и ноги.

– Она была связана, но не сильно и почти не вырывалась! Затем, похоже, путы ослабили, она смогла освободиться, но лишь чтобы... Несчастливая! Невероятно. Должно быть, ее накачали наркотиками... Да, на шее след от укола. Кровь уже отправили в лабораторию на анализ?

– Разумеется. Сразу же! – сообщил Сэлз.

– Где отрезанная часть лица?

– Не найдена. Возможно, преступник унес ее с собой.

– Как и когда обнаружили тело?

– Сегодня у князей Гагариных был званый ужин, – отвечал Лефрой. – Ирина и ее сестра Мария задержались наверху и долго не выходили к гостям. Мария объяснила свою задержку тем, что у нее никак не проходила головная боль. Когда она почувствовала себя лучше, то отправилась к сестре. На стук никто не вышел и не открыл дверь, но Мария услышала какие-то странные звуки и решила войти. Тогда она увидела свою сестру с изуродованным лицом, всю в крови, мечущуюся по комнате. Не понимая, что она делает, Ирина бросилась на балкон. Перила были низкие, и, не удержав равновесия, она упала и разбилась насмерть.

– Где теперь Мария? – спрашивал дальше Грево.

– Дома. За ней присматривает врач Гагариных. Разумеется, пришлось вколоть несчастной девушке морфий.

– Так-так. Значит, сегодня от нее вряд ли удастся чего-то добиться. Но мне надо как можно скорее увидеть место преступления. Еду немедленно!

Николай сидел в малой гостиной особняка Гагариных с рюмкой коньяка. Он пил уже третью, но толку с них было, как с родниковой воды.

Ему пришлось взять на себя обязанности главы семьи, поскольку Дмитрий Аполлонович оказался не в состоянии общаться с полицией в силу возраста и пережитого ужаса. Николай только радовался, что ни он, ни Ольга Сергеевна так и не увидели лица Ирины. О, если бы только можно было оградить и Машу от этого ужаса!

Посреди ночи, когда полиция, казалось бы, заканчивала с осмотром дома, вдруг явились двое новых полисменов с неизвестным господином, одетым весьма небрежно.

– Антуан Грево, частный детектив, – представил его один из полицейских. – Здесь находится с разрешения начальника полиции господина Лефроя.

Николай пожал детективу руку.

– Добрый вечер, мсье Грево. Князь Гагарин, к сожалению, не может говорить с вами лично, но он позволил мне вести дела от его имени. Николай Дурново. Я помолвлен с его дочерью, Марией...

– Мсье Дурново, примите мои искренние соболезнования.

– Благодарю, мсье Грево.

– Вы позволите осмотреть дом?

– Он в вашем полном распоряжении. От меня потребуется еще что-то?

Грево на мгновение призадумался.

– Если вам угодно будет мне помочь, господин Дурново...

– Охотно! Если я не займу себя делом, то, верно, сойду с ума.

– Вы вхожи в этот дом и, более того, уполномочены вести дела от имени хозяина. Поэтому ваше содействие в этом деле будет бесценно. Вы не могли бы помочь мне с осмотром дома и в общении с семейством Гагариных?

– Буду счастлив, мсье.

– Насколько, я знаю, у князя сейчас врач.

– Да, Ольга Сергеевна... то есть – его супруга также при нем.

– Что ж, тогда пока займемся осмотром места преступления. Проводите меня, мсье Дурново?

– Конечно, идемте.

Отставив бокал с остатками коньяка, Николай подумал, что, хоть и запоздало, но тот все же ударил ему в голову. Залы, коридоры и лестница Гагаринского дома казались ему, словно в тумане – словно через стекло иллюминатора там, на Земле...

– Вы слышали, мсье Грево, что мы с лордом Джереми Блейком спускались на Землю?

– Да, надеялся попасть на завтрашний прием в Ботаническом саду, но, похоже, не выйдет.

– Если желаете, позже я расскажу вам все.

– Охотно выслушаю.

– И о том, как я выглянул из вездехода без респиратора. В какую-то секунду мне показалось, что там можно жить. Хотя и не слишком хорошо...

– Подобные ностальгические эксперименты очень опасны, господин Дурново, и до добра не доводят, – заметил Грево.

Впрочем, Николай мигом забыл об эксперименте и о Земле – они подошли к дверям комнаты Ирины. Незапертая дверь распахнулась от легкого толчка и перепачканная кровью спальня предстала перед их взорами. Окончательно остывший ужас – печать на прошлом.

Туман спал с глаз, голова прояснилась. Николай стоял, словно налетев на прозрачную ледяную стену.

– Здесь... – вымолвил он севшим голосом. – Разрешите, я останусь в коридоре?

– Не только разрешаю, а даже настаиваю. Люди на месте преступления лишь мешают расследованию. Но если в вас еще есть силы, я бы попросил вас ответить на пару моих вопросов.

– Конечно, мсье.

– Прекрасно.

Грево вступил в спальню.

7. Ночной дом

Оказавшись в комнате княжны Ирины, Грево внутренне содрогнулся. Казалось, он давно привык ко всему. Но теперь, вспоминая, что сотворили с юной девушкой, видя залитую кровью кровать, он с трудом сдерживал злость и абсурдный животный ужас перед существом, способным на такое злодеяние. Хотя, как от первого, так и от второго теперь было мало толку.

Грево стал осматривать помещение. К счастью, никто не додумался прибраться. Так что оставалась надежда, что сквозь следы побывавшей здесь полиции, он все же увидит детали преступления.

– Во сколько вы прибыли в дом Гагариных, мсье Дурново?

– Около десяти вечера.

– Когда прибежали на крик вашей невесты?

– Вскоре после этого. Наверное, через четверть часа.

Итак, основное действие произошло на кровати. Княжна была привязана за руки к резному изголовью – привязана кушаками из собственной гардеробной. Именно там убийца, прибывший, выжидал удобного момента.

Так, стоп! – скомандовал сам себе детектив. Уже появляются поспешные и от этого, возможно, ложные выводы. Маньяк, с которым они имеют дело, – изощренный садист, но пока не убийца. И от этого все сложнее, страшнее и запутаннее.

– Осмелюсь спросить: те слухи о княжне Ирине, что ходили в свете и в желтой прессе, правдивы?

– Боюсь, что до последнего слова. Думаете, могла ее личная жизнь стать причиной ее гибели?

– Это более чем вероятно, мсье Дурново. Надо только выяснить, кто именно и почему совершил подобное. Враг, соперница, отвергнутый или брошенный любовник, а то и вовсе поборник морали. Хотя, такой рьяный в нашем Вавилоне вряд ли найдется.

Антуан Грево несколько раз обошел комнату, всматриваясь в окружающие предметы. С таким же вниманием обычно вслушиваются в песню на малознакомом языке – с каждым новым разом понимая все больше.

«Вот здесь все началось», – понял он, подойдя к туалетному столику. Слева от него была дверь гардеробной: за ней чудовище и спряталось, пробравшись в дом, и стало поджидать свою жертву. На самом столике остались раскрытыми пудра и румяна, дорогие духи были вынуты из коробки – последние, не нанесенные штрихи.

Чудовище дождалось, пока служанка помогла княжне одеться, а затем вышло. Княжна Ирина не закричала и не попыталась бежать в этот момент. Она знала своего мучителя и не ощущала с его стороны никакой угрозы для себя. Быть может, лишь немного удивилась, увидев его, выходящим из гардеробной. А он, не теряя времени, вколол ей наркотик и поволок на кровать...

Со спинки кровати все еще стекал на смятые подушки длинный кушак из плотного кружева. Ноги жертвы чудовище, похоже, не зафиксировало – оно сидело на ней сверху. Сняв уже после пути со своей истерзанной жертвы, маньяк, коль скоро его никто более не заметил, выбрался из комнаты через балкон. Грево, следуя своим мыслям, вышел на балкон и сам. Да, казалось бы, лучше не придумаешь – вдоль стены по тонкой железной решетке стелилась упругая вязь дикого винограда.

– С чердака есть выход на крышу, мсье Дурново?

– Да. Но он, вероятно, закрыт.

– Пожалуйста, идите на чердак, откройте выход и ждите меня возле него.

– Понял вас, господин Грево.

– До встречи.

Взобраться на крышу, вопреки ожиданиям, оказалось довольно легко: решетка, на которой рос виноград, была крепкой, из эмалированного металла, да и густая вязь старых лоз уже обрела неплохую прочность.

А крышу, очень и очень пологую, с низким бортиком словно создавали для прогулок. Переводя дыхание, Антуан Грево выпрямился и огляделся по сторонам.

Перед ним простерся Вавилон. На секунду детектив забылся, всматриваясь в величественную и в то же время жутковатую картину. Свечение уличных фонарей пробивалось сквозь вуаль вечного смога, преломлялось и искрилось в ней. Начало и конец улицы терялись в тени и дымке, а дома соседних кварталов и дальние районы полиса казались сейчас мифическими, хмурыми горами и курганами. Будто споря с ними, поблескивал в сплетении улиц слиток золоченого купола православного собора...

Грево опомнился и приступил к осмотру крыши.

На жестяном краю, над виноградом, сохранились следы от окровавленных пальцев. Чудовище, несомненно, прошло здесь, а затем перебралось на крышу соседнего дома по обтянутому резиной жгуту сплетенных проводов, который тянулся над всеми домами. И так дальше и дальше. К тому моменту, когда княжна Мария увидела, что произошло с ее сестрой, оно было уже далеко. Наверняка, спустившись с крыш на мостовую, перешло в Нижний город, чтобы затеряться во тьме черни.

Антуан Грево снова взглянул на следы окровавленных ладоней и понял, что в них есть что-то неправильное. Он склонился пониже. Судя по следам – руки как руки, не слишком большие, с тонкими пальцами, могут принадлежать как молодому мужчине, так и крупной женщине.

«Ерунда какая-то! – осознал он. – Неужели этот зверь полз бы по зарослям винограда, хотя бы не вытерев руки? Не сняв перчатки? Он бы давно сорвался вниз. Это, конечно, было бы прекрасным исходом дела. Слишком...».

Грево приложил свои ладони к смазанным следам и усмехнулся – чудовище сидело на краю крыши и прислушивалось к тому, что происходит в доме! И лишь затем убежало.

И значит, на крышу оно вылезло через чердак! И значит там, на чердаке надо искать его след.

– Мсье Дурново, – позвал детектив отчетливо, но не слишком громко, чтобы не потревожить людей в доме.

Ответа не последовало.

Он пошел по крыше, то и дело замечая на ее пластинах бурые пятна.

Вскоре он набрел на открытое оконце и за ним – вернее, под ним – обнаружил Николая Дурново. Тот был бледнее прежнего, а на Грево воззрился, словно перед ним предстал маньяк собственной персоной.

– Что случилось? – поинтересовался Грево.

– Я кое-что нашел, – сообщил Николай, медленно переводя дыхание, словно справляясь с приступом рвоты.

Грево прыгнул на пол чердака и посмотрел туда, куда указал Николай.

Чердак, обширный, но низкий и душный, был освещен язычками пламени, тающими в газовых рожках. Он повторял своими очертаниями и изгибами планировку дома, и через каждые несколько метров возвышались колонны дымоходов разной толщины.

На одну из таких труб – необъятную и неровную кирпичную глыбу – и указывал Николай. На полу у ее подножия стояла открытая фарфоровая шкатулка с жемчугом и отрезанным носом.

Антуан Грево зажег спичку и, сев на корточки, присмотрелся – да, это и была часть лица Ирины, отрезанная чудовищем.

А вместе с ней среди жемчуга лежала стеклянная ампула – размером с фалангу пальца, с горлышком со следами сургуча, без штампов и следов этикеток.

Такие ампулы часто поставляются пустыми во многие лаборатории и в весьма больших количествах. А раз ее запечатали сургучом, значит, намеревались длительное время хранить что-то важное, какой-то уже готовый препарат. Вероятнее всего – собственного производства. Возможно, этот маньяк имеет непосредственное отношение к медицине или химии.

Спичка погасла, Грево достал из коробка и зажег следующую. Что-то должно быть – что-то еще. Неспроста улики оставлены тут, словно на витрине. Выпрямившись в полный рост, чуть ниже уровня глаз он увидел два кирпича, отмеченные кровавыми мазками.

Они легко поддались нажатию и утонули в стене. Тут же часть кладки со скрипом просела – открылась потайная дверь.

– Мсье Дурново, у вас нет с собой револьвера?

– Нет, не имею привычки носить оружие.

– Я тоже. А жаль. Что ж – придется надеяться на удачу и собственные физические возможности. Если хотите подождать здесь, то я...

– Если вы считаете, что я позволю вам идти туда одному, то вы плохо себе представляете, что такое русский дворянин!

От собственных слов Николай обрел твердость духа и подошел к Грево, стараясь, впрочем, не глядеть на все еще стоящую на полу шкатулку.

При свете очередной спички они стали спускаться вниз по старой лестнице. На светлых деревянных ступенях виднелись кровавые отпечатки. Что там отпечатки – в своем воображении Грево ясно увидел, как чудовище ползло по этой лестнице (идти прямо оно не могло – его трясло от волнения).

Лестница закончилась, сделав единственный поворот. Прямо перед Грево оказалась завеса из легкой светлой газовой ткани.

Спичка погасла. Несколько секунд они простояли в полной темноте и тишине, внимательно прислушиваясь, и, лишь убедившись, что здесь кроме них никого нет, Грево отдернул завесу и зажег следующую спичку.

Они вошли в маленькую комнатку с потолком, низким настолько, что оба они – мужчины не самого высокого роста – почти касались его головой. Стена по левую руку от входа была скошенной и нависала над обширным низким диваном.

Первым делом Грево двинулся вдоль ровной стены, ища газовый рожок. Тот вскоре обнаружился, и, мгновение спустя, пламя радостно ожило под плафоном из розового стекла. Наконец, стало возможным как следует осмотреться.

Дверца напротив проема, затянутого сиреневым газом, вела прямо в гардеробную княжны Ирины, но с той стороны выглядела как одна из панелей на стене.

Убранство самой комнаты было довольно кокетливым: множество подушек, валиков, пледов, низкий столик в восточном стиле, комодик в стиле ампир, легкий, пушистый ковер на полу. Стены были почти полностью забраны все тем же сиреневым тюлем, а за ним проглядывала старая обивка стен – цвета слоновой кости, простая и без узоров, сохранившаяся со времен основания Вавилона и установки самого дома.

И повсюду кровавые отпечатки. Чудовище металось здесь, вытирало свои руки о тюль и покрывала, не знало, куда деть безжизненный, но еще, должно быть, теплый кусок плоти. Затем выбралось на чердак, на крышу (там оно подбежало к краю крыши и задержалось, слушая крики княжны Марии) и лишь после всего этого умчалось прочь. Да, просто-таки улица Морг.

Тут Грево заметил на одной из подушек мертвый цветок. Мертвый во всех смыслах: лишь искусственный стебель из точенного дерева, без листьев и лепестков. Они лежали тут же, на полу, изорванные в мелкие клочки, в конфетти. Сидя здесь, готовясь к своему страшному делу, чудовище нервничало.

У него наверняка тонкие пальцы, руки не привыкли к грубой работе и имеют высокую чувствительность. Слишком уж ровные и мелкие «конфетти» получились.

Физически сильный, явно не старый мужчина, явно житель Верхнего города, на сторонний взгляд, наверняка, интеллигентный и спокойный.

Итак, неплохо для наброска...

Разобравшись со следами чудовища, Грево приступил к следам Ирины. Для чего девушке с ее увлечениями служила эта комната, догадался бы и последний рабочий, не выдавший в своей жизни ничего, кроме общежития и угольной печи. Но ведь это было и ее скрытое убежище...

В комодике, помимо запасов ликера, шоколада и кокаина, нашлись деньги и три пачки писем. В одной были письма от самых разных мужчин, поклонников княжны, во второй – письма от подруг, в которых те делились с ней подробностями своей приватной жизни. В этой пачке в основном встречались имена Кэролайн Вуд, молодой вдовы, и Анны Честер – совсем юной девицы, лишь недавно начавшей выходить в свет.

Однако наиболее любопытной Грево показалась третья – самая тонкая пачка. То было несколько коротких признаний в любви, напечатанных на машинке.

«Вы знаете, кто я...» – так начиналось каждое из них.

– Не следует ли нам сообщить полиции о том, что нашли? – спросил Николай, топтавшийся на месте и лишь наблюдавший за детективом. Присесть куда-либо он не решался.

– Разумеется, я сообщу, – заверил его Грево. – Когда зайду побеседовать с господином Лефроем. Скажите, господин Дурново, вы отправитесь ночевать домой или останетесь в этом доме?

– Останусь здесь. Мне уже приготовили комнату.

– Замечательно. Тогда, пожалуйста, позвоните мне завтра, когда господа Гагарины будут в состоянии побеседовать со мной.

– Да! Непременно.

– Благодарю, мсье. Я оставлю свой номер. Если не застанете меня дома, скажите моей квартирной хозяйке, что это вы – она сумеет меня найти. У нее восхитительный талант – находить меня, где бы я ни был...

Проводив детектива со всеми его находками, Николай вернулся в гостиную к недопитому коньяку, при виде которого теперь испытал легкую дурноту.

Но едва Николай опустился в кресло, как вошел доктор семейства Гагариных. Невысокого роста, уже лысеющий, хотя не старый еще человек. Почти во всех, кто его знал, он вызвал неизменное чувство приязни.

– Прошу прощения, что беспокою, – мягко заговорил он, – но я только теперь счел возможным оставить Марию одну.

– Она спит?

– Да, я сделал ей еще один укол успокоительного.

– А Дмитрий Аполлонович?

– Здоровье и его, и супруги теперь вне опасности. Они должны проспять до утра, – доктор замялся, тревожно подбирая слова. – Мне очень жаль, что так вышло... Прошу, примите мои искренние соболезнования. Я знаю, что вы уже практически член семьи...

– Спасибо, доктор Бейкер, – искренне поблагодарил Николай.

Доктор кивнул, пряча глаза, но все же решил тактично поправить:

– Беккер.

Николай нахмурился.

– Беккер... Где еще я мог о вас слышать?

Доктор нерешительно улыбнулся.

– Вы вряд ли возвращаетесь в медицинских кругах. Думаю, вам вспомнился мой приемный сын – вы встретили его на окраине Нижнего города. Чарли – помните?

– Помню! Очень милый юноша. Удивительно, как тесен мир.

– Особенно, если этот мир состоит из одного города, пусть даже и очень большого. Но я вас, пожалуй, теперь оставляю.

– Разумеется, доктор. Всего доброго. И передавайте мой привет Чарли.

Доктор раскланялся и ушел, наконец-то оставив Николая в одиночестве.

8. наброски

Остаток ночи детектив Грево провел без сна, изучая улики, собранные в доме Гагариных. Письма из будуара оказались, как он и ожидал, богатыми на фривольные подробности жизни, как самой Ирины, так и ее подруг. Однако он не нашел в них имен – всем кавалерам были даны забавные прозвища. В последних своих письмах, датированных прошлым месяцем, мисс Честер и миссис Вуд выражали свое согласие и горячее желание прийти в гости на рюмочку ликера. Эти письма были последними в переписке княжны.

Последняя рюмочка ликера...

А следы жидкости из ампулы детектива поразили – там обнаружилось вещество, со свойствами анестетика, но совершенно нового, неизвестного прежде.

В 6.30 утра Грево понял, что уже занимается заря нового дня. Возвращая себе ощущение реальности, Грево облился холодной водой и выпил кружку очень крепкого, сладкого кофе с долькой лимона.

Начальник полиции Лефрой заступал на службу в восемь утра и первый час посвящал работе с документами или встречам с особыми посетителями. Довольно часто таким посетителем оказывался Антуан Грево – человек знающий жителей города и его нутро не понаслышке, обладающий острым живым умом и талантом сыщика.

Явился он и в этот раз – и не с пустыми руками, а с целым саквояжем. В саквояже была россыпь сухого льда и пара улик. Заглянувший, согласно протоколу, в саквояж молодой офицер, секретарь Лефроя, невольно отшатнулся. Бледное, как у всех вавилонян, лицо его приобрело зеленоватый оттенок.

– Проходите, сэр, он вас ожидает.

Начальника полиции Грево застал за легким завтраком.

– Приятного аппетита, господин Лефрой.

– Благодарю. Присаживайтесь. Не желаете присоединиться?

– Нет, спасибо. Я уже завтракал. С вашего позволения, я перейду прямо к делу.

– Конечно, господин Грево. Я весь – внимание.

– Для начала, сэр, разрешите узнать, какова официальная версия. И над какой в данный момент работают ваши детективы.

– Официальная – убийство совершено маньяком-психопатом. Неофициальная... Если честно, мы подозреваем, что это сделал кто-то из оставшихся на свободе адептов Ложи Сераписа – завершил ритуал, начатый Вальтером Корфом. Учитывая репутацию жертвы...

Грево нахмурился.

– При всем уважении, сэр, *нет*. Тогда жертвой, скорее всего, стала бы Хэзер Эйл. Или, на худой конец, одна из дам ее профессии. Но никак не княжна. И потом тут совершенно иной метод и множество сопутствующих обстоятельств. Взгляните хотя бы на это...

Достав из бокового кармана саквояжа письма, Грево протянул их Лефрою.

– Обнаружил в тайном будуаре Ирины. У княжны была обширная переписка, но этого поклонника она выделяла среди прочих.

– Письма не подписаны...

– Увы! Зато все начинаются со слов «Вы знаете, кто я...». Однако близких отношений с Ириной у него не было – судя по тому, что и как он писал. Как он писал... Странное сочетание личной робости и почти научной уверенности в том, что Ирина – исключительное существо. Можно сказать, что натура эта довольно романтическая. Но странная – вероятно, он привык себя сдерживать. Этот человек был влюблен безнадежно и не имел никаких шансов. Это житель

Верхнего города, но физически сильный. Руки привыкли к тонкой работе... Если, конечно, он и есть наш убийца.

Лефрой усмехнулся.

– Житель Верхнего города, привычный к работе, но знакомый с Ириной Гагариной – это действительно сужает круг подозреваемых.

– Но я пока не уверен, что убийца именно он! Кстати, у нашего маньяка странная логика, которую я пока не вполне понимаю. Он указал мне путь в будуар Ирины, где он побывал до и после преступления, и где она хранила письма.

– Каким образом он это сделал?

– Оставил улику возле потайной двери на чердаке, – Грево кивнул на саквояж, устроившийся в кресле напротив. – Шкатулку с отрезанной частью лица Ирины и с пустой ампулой. Уверен, что остатки вещества в ампуле совпадут с тем, что нашли в крови жертвы. Как вам, мистер Лефрой?

– Если все так, то это похлеще подарка к Рождеству. Мы имеем дело с психом.

– Нам попался очень интересный псих. Такого еще не было в истории Альфа-Вавилона.

Грево поднялся в кресла, шагнул было к окну, но раздумал и приблизился к трехмерной модели города. Металлическая махина в человеческий рост стояла в центре кабинета начальника полиции и, мерцая маленькими огоньками, то засыпала, то вновь просыпалась, словно бы жила.

Грево решительно потянул на себя один из секторов, и модель покорно открылась, явив свое нутро.

– Иногда не задумываешься, насколько этот город огромен...

Лефрой, который все это время ожидал продолжения речи, опомнился:

– Я бы предпочел, чтобы этот «интересный псих» никогда бы не появлялся, – заметил он, деловито составляя блюдца и чашку на поднос и отодвигая его прочь от себя. Затем он щелкнул тумблером радиосвязи с секретарем: – Майлз, свяжитесь, пожалуйста, с лабораторией Академии...

– Пусть ваши люди, Лефрой, – продолжил детектив, – следят за домом Гагариных и за каждым его обитателем, если тому вздумается покинуть его пределы. И за Николаем Дурново в том числе – он уже практически член семьи и очень важный фигурант дела.

Спустившись в лабораторию вслед за уликами, Грево взглянул на результаты вскрытия и анализа крови Ирины. Обнаруженное в крови вещество, насколько он мог судить, действительно соответствовало тому, что он нашел в ампуле – оставалось только дожидаться официальных результатов. Помимо собственных исследований, сотрудники Скотленд-Ярда намеревались передать ампулу и результаты работы в Академию наук – тамошние специалисты легко смогут воссоздать это вещество в большом объеме.

– Результаты будут готовы к вечеру, – пообещал мистер Сэлз. – Быть может, удастся подключить кое-кого из Академии наук. Думаю, это покажется им интересным.

– А возможно ли узнать в Академии, кто занимался исследованиями в области анестезиологии? – спросил Грево. – Вещество новое и не похоже ни на что, встречавшееся мне прежде. Вероятно, что имен в предполагаемом списке окажется немного...

– Я понял вас, сэр. Конечно, мы отправим в Академию официальный запрос.

Прямо из Скотленд-Ярда Грево позвонил домой. Миссис Тернер доложила ему, что не далее, как десять минут назад звонил джентльмен, представившийся Николаем Дурново и желавший поговорить с детективом, но решительно никакой информации более не сообщивший.

– Благодарю вас, миссис Тернер, за ценные сведения. Хорошего вам дня, буду поздно, – отпартовал Грево.

Не мешкая, он отправился в дом Гагариных. Николая встретил буквально на пороге – осунувшегося, с темными кругами под глазами и в старомодной одежде. Похоже, смену гардероба ему достали из закровов старого князя.

Новый Вавилон, с его тягой к роскоши, казалось, вовсе забыл едва начавшийся двадцатый век – в его моде, и в искусстве царил кичливый пасынок века девятнадцатого.

Впрочем, серый костюм строгого довавилонского фасона и кроя был Николаю впору и к лицу.

– Господин Грево, доброе утро. Слава Богу, это вы! Заслышав механический экипаж, я решил, что снова явились эти стервятники.

– Журналисты?

– Если их можно так назвать. Все серьезные издания побывали у нас этой ночью. Теперь кругом шныряют шакалы из желтых газетенок.

– Как обстановка в доме?

– Плохо. Узнав, что Гагарины готовы поговорить с вами, доктор Беккер немедленно приехал.

– Князь настолько плох?

– Он хворал давно, но теперь его здоровье сильно пошатнулось.

За разговором они поднялись на второй этаж, где их поджидал доктор.

– Мсье Грево, здравствуйте.

– Здравствуй, господин Беккер. Как самочувствие господ Гагариных?

– Дмитрия Аполлоновича – прескверно. Настоятельно вас прошу, если есть возможность, подождите с беседой день-другой.

– День-другой? Доктор, к сожалению, этого я сделать никак не могу.

– Тогда разрешите мне присутствовать?

– Пожалуйста. Если вы не станете вмешиваться в разговор.

– Даю вам слово.

– Тогда приступим.

Николая все-таки оставили за порогом. Грево был не слишком доволен даже тем, что со всей княжеской семьей придется говорить разом.

Спальня князя оказалась небольшой и сумрачной.

Когда Грево и доктор вошли, Дмитрий Аполлонович как раз усаживался в свое передвижное кресло под присмотром жены и дочери, но сам. Старик не хотел принимать посетителя, сидя среди подушек и перин – он отчаянно желал показать, что держит удар судьбы. Выглядел он также безупречно – одежда цивильная и опрятная, волосы и борода расчесаны и лежат мягкой снежной волной. Он сдерживал свои эмоции, но никак не мог скрыть того, что события прошедшей ночи состарили его на десять лет. Старая княгиня выглядела совершенно растерянной и подавленной, глаза ее были красны, руки терзали носовой платок. Княжна Мария была бледна, но держалась с невероятными спокойствием и достоинством, поддерживая старых родителей, наверное, одним своим примером.

Княгиня и княжна, поприветствовав детектива, сели в кресла поодаль от Дмитрия Аполлоновича. Доктор опустился на кровать сразу за его спиной, Грево указали на выставленный в центр ковра стул.

– Позвольте, прежде всего, выразить вам мои искренние соболезнования, – начал Грево. – Я сделаю все, чтобы найти и поймать этого... это чудовище.

– Прежде всего, могу ли я спросить вас? – проговорил князь.

– Разумеется.

– Этим делом занимается полиция. Зачем к расследованию привлекли вас?

– Меня привлекают в особых случаях. Без полиции наш славный город, разумеется, не смог бы существовать. Но у меня есть багаж практических знаний, приобретенных в ходе жизни, и знание психологии обычных людей. В том числе, жителей Нижнего города. Я часто оказываюсь ферзем в партии против преступника. Поверьте, я действительно хочу раскрыть это преступление. Это мой долг, как гражданина Нового Вавилона! Разрешите мне помочь...

– Что ж... – вздохнул князь, похоже, удовлетворенный ответом. – Можете рассчитывать на нас. Приступайте.

– Прежде всего, расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы видели Ирину в последний раз.

– Я видел ее за завтраком. Потом она ушла в свою комнату и больше не появилась.

– Да, – подтвердила Ольга Сергеевна. – Я только заглянула к ней около восьми часов, напомнила, чтоб она поторопилась. Сказала, что гости скоро начнут прибывать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.